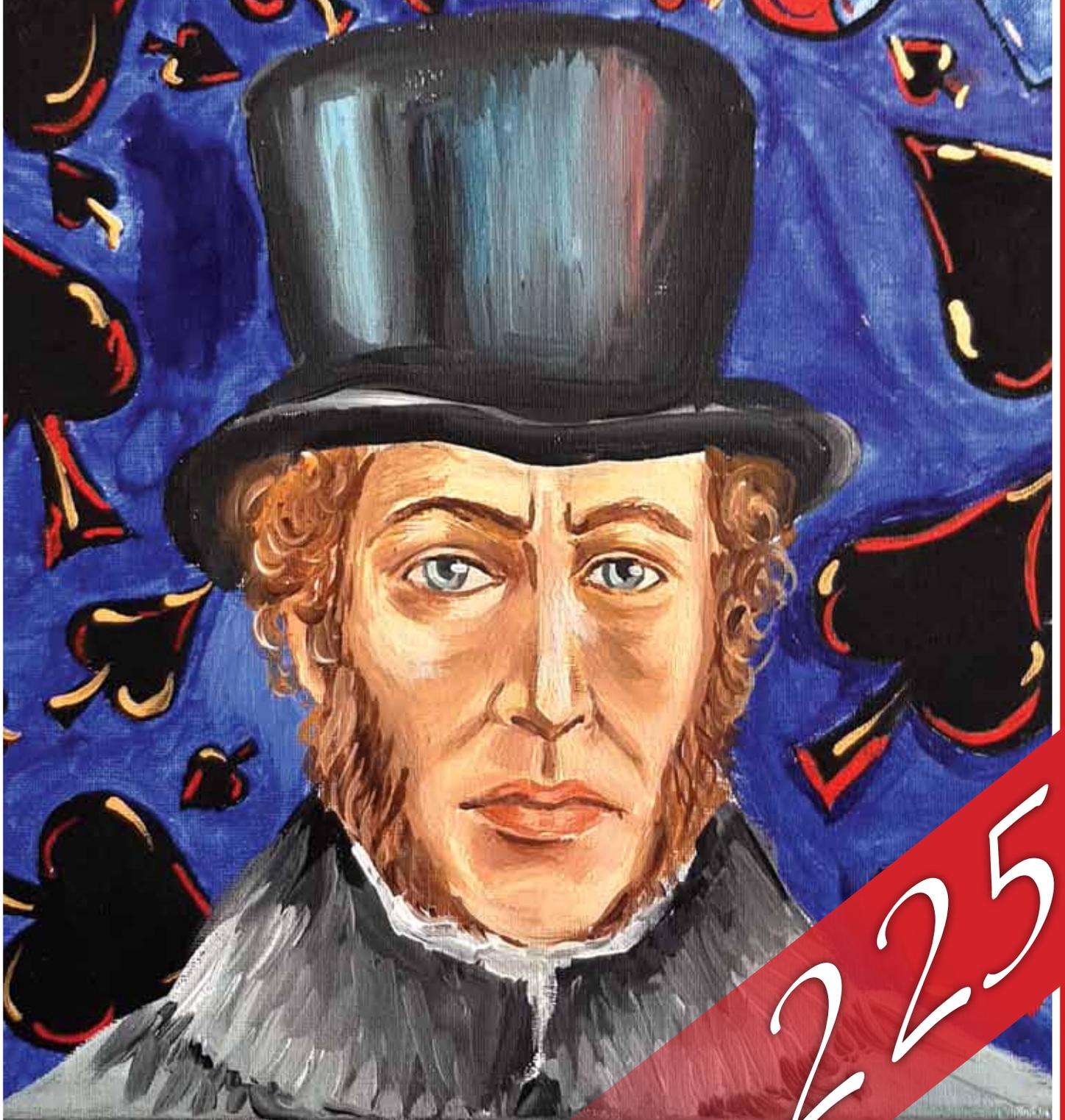

№6
Июнь 2024

რუსული კლუბი

225

Фото Светланы СИНАТАШВИЛИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6 (224)
Июнь 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ
- 6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 ПУШКИН ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ
- 11 У ПУШКИНА
ЗАИРА АРСЕНИШВИЛИ
- 18 ЖИЛ-БЫЛ ЭЛЬЗАССКИЙ ДВОРЯНИН
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 19 НАД ГОРОДОМ ГАЛАКТИОНА
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ
- 22 САМАЯ ЖЕСТОКАЯ И СИЛЬНАЯ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 26 «ПОВЕЛИТЕЛЬ» И ЕГО «ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 «ИСТОРИЯ ОТВРАТИТЕЛЬНА – ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 34 В ДОБРЫЙ ПУТЬ!
- 36 ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИВАНА ГОРГИДЗЕ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 40 ПРОФЕССОР ФУТБОЛА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 42 УБИЙЦА
БЕКА КУРХУЛИ
- 50 «ВОЙНА – СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК...»
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 52 ТОСКА ПО МУЖЕСТВУ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – МАРИАМ ГОЧАЛЕИШВИЛИ, 14 ЛЕТ.
ПОРТРЕТ А.С. ПУШКИНА

26 МАЯ ГРУЗИЯ
ОТМЕТИЛА
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРАЗДНИК –
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

фото Елены ГАТТАЛИБЕСКОЙ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ВЕНЦЕНОСНЫЙ ДЕЗЕРТИР

Королевский пир в главной зале Вавельского замка в Кракове был в самом разгаре. Стоял прохладный июньский вечер 1574 года. Из огромных окон тянуло сырым сквозняком, и молодой король, сидевший на возвышении во главе огромного стола, ежился от холода и кутался в меховую накидку. Уроженец южных краев, он не привык к здешнему климату. Среди гостей, представителей польской шляхты, тоже было непривычно тихо и мрачно, невзирая на множество вин и яств на столе. Дворяне хмурились, вели негромкие разговоры, косясь на разряженного выборного короля-иностранца. Этого юного щеголя привезли недавно из просвещенной европейской державы, чтобы он навел порядок при весьма скудных правах. Ведь этому королю, названному по-тутушнему Хенрихом Вalezы, было вменено в обязанность сохранить привилегии польской знати, погасить долги предыдущего короля, пригнать французскую пехоту против соседних русских войск Ивана Грозного, а также построить польский флот на Балтике. И ни во что не вмешиваясь, не иметь отношения к финан-

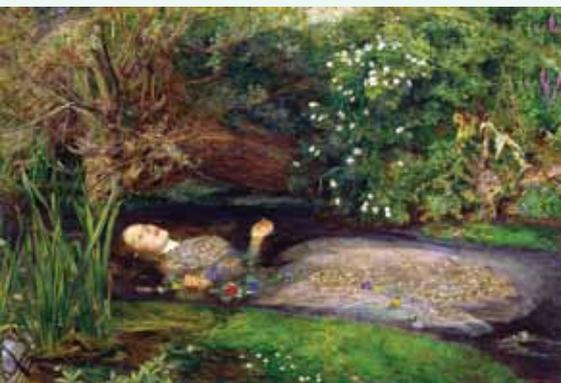
сам, не лезть со своими указами и советами к Сейму... Недурно, да? Но самое пикантное, этот двадцатидвухлетний красавец обязан был жениться на пятидесятилетней Анне Ягеллонке – сестре покойного короля, его естественной наследнице, ибо другой родни не осталось. Анна была от жениха в восторге, а заезжий король, похоже, не очень. Он без конца откладывал помолвку, из месяца в месяц. И вообще, этот Хенрих был каким-то странным – изнеженным, жеманным и утонченным, одевался как-то пестро и не совсем по-мужски, носил много украшений, серьгу в ухе, любил поздно вставать, ночи напролет играл в карты со своими приезжими иноземными друзьями и совсем не занимался делами. У него не сложились отношения с дворянством. Король не понимал обычаев своих новых подданных. Плюс к тому, не хотел учиться говорить по-польски и скучал на заседаниях правительства. Одно удивительно, как, при таких привычках, Хенрих показал себя отличным бойцом, с легкостью освоив польский сабельный бой... Пир продолжался, настроение в зале изменилось к лучшему – сказывалось выпитое, ведь пила шляхта немало. А вина все подносили и подносили. Наконец, все осоловели от еды и вина и начали дремать прямо за столом. И вот тут-то король с пятеркой ближних друзей-иностранцев быстро покинул залу. Они бегом спустились во двор замка, где их ждали оседланные лошади, копыта которых были обвиты плотным войлоком, чтобы не было слышно конского топота. Самым быстрым аллюром скакал молодой король в сопровождении своей крохотной свиты. На пути их ожидали заранее приготовленные подставы свежих лошадей, чтобы не тратить время. Но шляхта вовремя пробудилась от хмельного сна и бросилась в погоню за беглым монархом. У самой границы король был настигнут одним из них. Но благородный шляхтич, остановивший бег Хенриха, отпустил его на родину, благо тот клялся, что вскорости объединит родную Францию со ставшей родной Польшей, и подарил преследователю драгоценный перстень на память. Наверное, дорогой. А после дал шпоры своему коню, пересек границу и был таков. Он спешил во Францию, чтобы занять престол вместо умершего брата. Его ждал любимый Париж и высококультурный королевский двор, ждала его любовь в лице прекрасной Марии Клевской (впрочем, красавица его не дождалась, ибо безвременно умерла от болезни). Молодого короля ждала разоренная религиозными войнами и Варфоломеевской ночью Франция. И, главное, ждала любимая мать – грозная и коварная королева

Екатерина Медичи. Ведь нашего героя Хенриха Вalezы по-настоящему звали Генрихом (Анри) де Валуа. Он стал королем-щеголем Генрихом III, несчастливо правил Францией пятнадцать лет и погиб от рук фанатика. А если бы остался в Польше, то кто знает, как бы сложилась его жизнь.

ИЗ ПРАФАЭЛИТОВ В БАРОНЕТЫ

Вероятно, английскую прогрессивную творческую молодежь середины XIX века очень донимала Викторианская эпоха с ее условностями, слепым следованием классическим образцам и затхлой академической скукой. Почти так же, как продвинутую советскую молодежь не радовала эпоха брежневского застоя. Но, невзирая на строгость британских нравов, английским творцам все же было полегче – можно было практически безнаказанно самовыражаться. И они создали весьма необычное и оригинальное творческое направление в поэзии и живописи, назвав себя прерафаэлитами. Это слово обозначает приверженность к традициям искусства эпохи Ренессанса «до Рафаэля» и Микеланджело. Молодые английские художники вдохновлялись творчеством флорентийцев Перуджино, Фра Беато Анжелико и Джованни Беллини. Все началось с «братства прерафаэлитов», а точнее, с первой семерки друзей-художников. Познакомившись на лондонской выставке 1848 года, молодые люди поняли, что главной их задачей, как творцов, должно стать возвращение к «искренности и простоте» старых итальянских мастеров, ибо современная им английская живопись зашла в тупик и умирает. И, как всякие молодые и энергичные, решительно принялись за дело – борьбу с Королевской академией художеств, которая их категорически не одобряла и весьма ревниво сохраняла традиции,

то есть, «ни вправо, ни влево ни-ни». Поначалу появление прерафаэлитов публика и критика встретили довольно тепло, пока не разобрались, что они излишне реалистичны. Не понравились некоторые их работы, особенно картина одного из них, Джона Милле, «Христос в родительском доме» – излишне натуралистичная, знакомая каждому бытовая сценка семейной жизни, где юный Спаситель выглядел обычным ребенком в окружении любящей родни. Возник вежливый английский скандал, вызвавший такую волну негодования, что даже сама Ее Величество попросила принести эту работу во дворец для ознакомления. Никаких серьезных строгостей от королевы Виктории не последовало, но она, что называется «поджала губы». Сам автор Джон Милле, один из основателей прерафаэлитов, был человеком необыкновенным. Вундеркинд, он поступил в Академию художеств в 11 лет. Его мастерство и живописная техника были выше, чем у его коллег. Немудрено, что среди прерафаэлитов ему в итоге стало скучно. Он отошел от них идеологически и творчески. Хотя бывшие друзья сетовали, что Милле, женившись, просто был вынужден много зарабатывать, быстро писать картины, гоняться за заказами и угождать заказчикам. Да, он перестал быть прерафаэлитом, перестал писать работы в их манере, а взамен приобрел огромную популярность и огромное состояние, зарабатывая до 30 тысяч фунтов в год. И даже стал первым английским художником, получившим титул баронета. А в год смерти был избран президентом Королевской академии художеств. Что ж, не стоит судить человека, избравшего более комфортный путь взамен тяжелой и нищей доли реформаторов искусства. Тем более что в итоге он вошел в историю и как уважаемый и увенчанный лаврами мастер, и как лихой юный революционер, боровшийся с затхлой атмосферой устаревшего искусства. А 8 июня этого года Джону Эверетту Милле исполняется 195 лет. Наиболее известная его работа – «Смерть Офелии».

О ЛУЧШИХ ЛИМОНАДАХ В МИРЕ

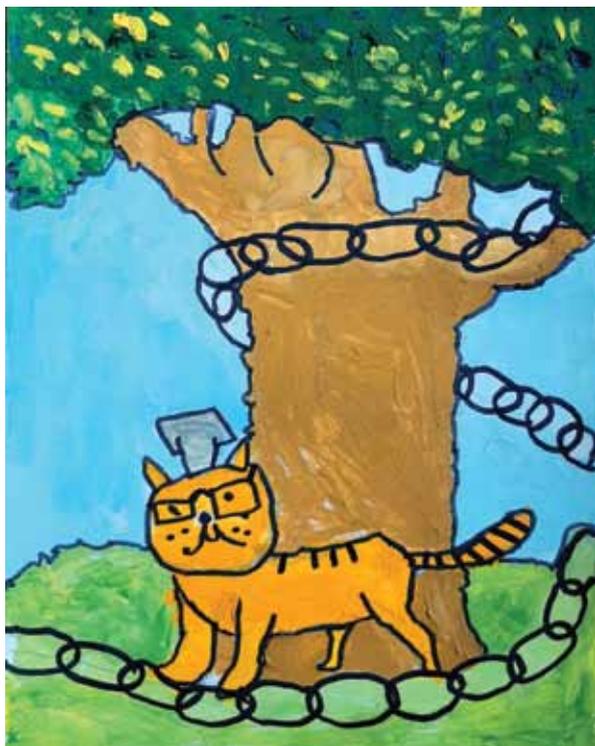
Кто изобрел лимонад – популярный прохладительный напиток? Точно неизвестно. Правда, есть легенда про слугу, который подавал блюда к столу французского короля Людовика XIV и перепутал бочки с вином и соком. А изменить уже ничего не мог. Находчивый человек плеснул в сок минеральной воды и подал королю. Тому понравилось. И лимонад стал излюбленным напитком за королевским обеденным столом, особенно в летнюю пору. На самом деле первые фруктовые прохладительные напитки появились еще в Древнем Египте. А газировать их научились в Англии. Джозеф Пристли изобрел сатуратор, используя газ, который в XVIII веке получали при брожении пива, и назвал полученный напиток «Игристым лимонным имбирным элем». Примерно тогда же немец Якоб Швейп изобрел то, что мы уже знаем как настоящий привычный лимонад – фруктовые сиропы, разбавленные газированной водой. Их было несколько, и называли их по вкусу не только лимонадом, но и оранжадом – с апельсиновым вкусом, и гренадином – с гранатовым. Но природные сиропы стоили дорого, и вскорости их стали заменять кислотами и эссенциями. В Россию лимонад привез Петр I. Но самые лучшие лимонады изготавливают, по мнению многих знатоков-экспертов, именно в Грузии. Во второй половине позапрошлого века уроженец имеретинского села Чолеви по имени Митрофан Лагидзе, родившийся 22 июня 1869 года в Кутаиси, поступил учеником в местную аптеку Кокочашвили и Иваницкого, в которой еще и изготавливали для покупателей прохладительные напитки из иностранных сиропов. Четырнадцатилетний Митрофан был поставлен смешивать сиропы. Молодой человек быстро вошел в курс дела и даже начал потихоньку «улучшать» привозные сиропы добавлением местных фруктов и трав. А будучи двадцати лет от роду, Лагидзе основал свое дело – крохотное предприятие по производству фруктовых сиропов для лимонадов, ведь к тому времени он изобрел один из самых вели-

колепных напитков – газированный тархуновый напиток. Через десять лет, в 1900 году, Лагидзе открыл в Кутаиси небольшой завод по производству прохладительных напитков. А в 1906 году, с помощью знаменитых писателей, больших поклонников его лимонадов Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, перенес свое производство в Тифлис, открыв магазин «Воды Лагидзе» на проспекте Руставели. Чего только не испытал в своей долгой жизни гениальный предприниматель и изобретатель Митрофан Варламович Лагидзе! Его продукция еще до революции получала золотые и серебряные медали на международных выставках, его назначали сначала поставщиком императорского двора, а после и к столу самого товарища Сталина с соратниками. Его лимонадами поили иностранных руководителей на Тегеранской и Ялтинской конференциях. А было так, что в разруху Гражданской его завод сгорел, и Митрофану Варламовичу пришлось смешивать лимонады в собственном доме. Потом, при Советской власти, его производство было национализировано, а сам он чуть не пострадал, как «эксплуататор рабочего класса». В защиту Лагидзе встали его рабочие. А после он был назначен директором своего же завода. Лагидзе прожил большую трудовую и творческую жизнь, ибо создавать прекрасное и в искусстве, и в еде, и в напитках – это настоящее творчество. Так Грузия стала страной, где производят и разливают самый вкусный на свете лимонад.

Гран-при – Харевич София, 14 лет. “Златая цепь на дубе том...”

Самая маленькая участница – Рысина Полина, 5 лет.
«И днем, и ночью кот ученый...»

ПУШКИН ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни.

Александр Блок

За окнами июнь, на дворе XXI век.
6 июня – светлый праздник, Пушкинский день.

По неизменной традиции, в этот день «Русский клуб» всегда отдает свою дань памяти любимому поэту: конечно, первым делом мы

возлагаем цветы к памятнику А.С. Пушкина в центре Тбилиси, а еще – проводим поэтические чтения, устраиваем вечера, проводим экскурсии, ставим спектакли... Двадцать лет назад, к 205-летию со дня рождения поэта (кажется, это было вчера), «Русский клуб» организовал и очень успешно провел Конкурс детского рисунка «Мой Пушкин». В этом году, в ознаменование 225-летнего юбилея, мы решили провести новый конкурс и назвать его «Веселое имя – Пушкин».

Успех проекта превзошел наши самые смелые предположения. В конкурсе приняли участие учащиеся школ из всех уголков Грузии, включая самые отдаленные регионы. 253 человек из 18 муниципалитетов страны представили на конкурс 297 работ!

Многие ли задумываются над тем, что несет в себе детский рисунок? А ведь любое изображение, сделанное ребенком, содержит в себе важную информацию и готово многое нам рассказать. Честно говоря, остается удивляться, как быстро взрослые забывают о том, что и они когда-то верили в сказки, фантазировали и рисовали – на бумаге или в уме, персонажей любимых произведений... Мы вырастаем, и все наши фантазии остаются в далеком детстве. И как же увлекательно отправляться в путешествие в мир детских фантазий и мечтаний, в мир, в котором живут... О, кто там только не живет!

Как оказалось, в число любимейших пушкинских персонажей самых маленьких участников конкурса входят Золотая рыбка из «Сказки о рыбаке и рыбке»; Кот ученый, Русалка и Тридцать три богатыря из «Руслана и Людмилы»; Ткачиха с Поварихой, с сватьей бабой Бабарихой из «Сказки о царе Салтане». Те, кто постарше, рисуют и героев «Повестей Белкина» и портреты самого поэта...

Конкурс есть конкурс, и в нашем конкурсе также определились победители и лауреаты. Но нашему компетентному жюри пришлось очень непросто: каждая работа была по-своему примечательна. Именно поэтому мы приняли решение издать специальный альбом, в который войдут все (все!) рисунки, представленные на конкурс. Спасибо вам, дорогие ребята! Вы, все до одного, победители!

Сердечно благодарим членов жюри – художника, иллюстратора и модельера Наталью Кобахидзе, художника, графического дизайнера Давида Элбакидзе-Мачавариани и, конечно же, председателя жюри – фотохудожника, кинодокументалиста Юрия Мечитова.

I место (категория 11-17 лет) – Гочалеишвили Мариам, 14 лет. А.С. Пушкин

II место (категория 11-17 лет) – Маисурадзе Марина, 13 лет. Евгений Онегин

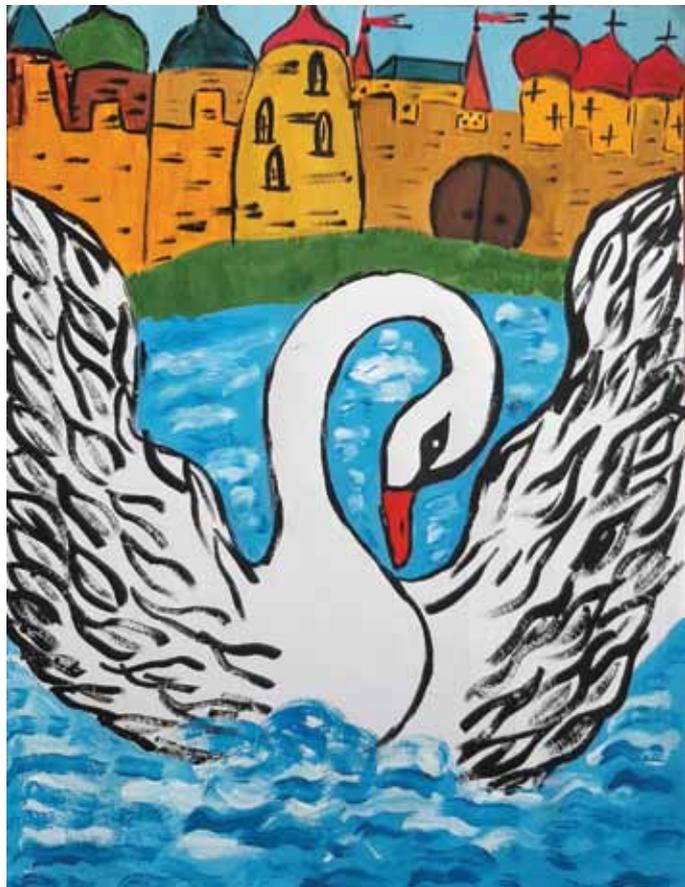
I место (категория 6-10 лет) – Сагиндзе Мариам, 9 лет.
«У Лукоморья дуб зеленый...»

III место (категория 11-17 лет) – Галич Андрия, 12 лет.
Сказка о царе Салтане

II место (категория 6-10 лет) – Габричидзе Елизавета, 9 лет.
Сказка о рыбаке и рыбке

III место (категория 6-10 лет) – Мамишова Мила, 6 лет.
«Лебедь белая плывет...»

Особая благодарность педагогам – они пригласили своих учеников в пушкинский мир, дали возможность прикоснуться к чему-то поистине вечному и прекрасному. И это прикосновение, пожалуй, делает нас чуточку лучше и остается в душе на всю жизнь.

Сегодня, спустя два столетия, Поэт с радостью повторил бы строки:

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.*

Низкий поклон, дорогой Александр Сергеевич!

У ПУШКИНА

■ **Заира АРСЕНИШВИЛИ**

Перевод **Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ**

– Приглашаю вас к Пушкину!

– На Мойку? Там я уже дважды была.

– Нет, нет, в Мемориальный заповедник... в Михайловское, Тригорское, Петровское, в Святогорский монастырь, где погребен Пушкин, – пояснял мне очень симпатичный певец по фамилии Хованский, с которым мы познакомились во время наших гастролей в Ленинграде и с которым мы, как обычно случается в молодости, сразу же подружились.

Я навестила уши. Конечно я не была бы оригинальной, если бы сказала, что с самого раннего детства и по сей день люблю Пушкина, и путешествовать люблю, и большая охотница бродить по заповедникам. Если верить Мериме, что может быть более скучным и утомительным для взора, чем однообразный пейзаж. В таком случае – легко себе представить, как засверкают, загорятся яркими

красками те пейзажи, которые связаны с гигантскими именами литературы. Это я не раз испытала на себе. Помню, во время гастролей в Москве я с моими подругами Мзией и Линой Абашидзе посетила Ясную Поляну. И когда Лина сфотографировала меня у могилы Льва Толстого, меня охватило неизъяснимое волнение. И, несмотря на довольно среднее качество снимка, мне захотелось, чтобы именно это фото украсило обложку моего нового романа. Меня удивила тогда реакция нашего товарища, известного психиатра Гайоза Шарашидзе. Взглянув на фото, он сказал: «Какой странный снимок, где это снято?» «На могиле Льва Толстого», – ответила я. «А-а-а, вот оно что!» Я вспомнила этот эпизод в связи с известными пейзажами, чтобы подчеркнуть силу их влияния. Что же касается Пушкина, то среди мировых гениальных личностей едва ли

сыщется (а лично для меня и вовсе не найдется!) характер, который, благодаря своему неповторимому очарованию, своеобразности, жизнерадостности, своего рода сумасбродству, вызывал бы столь единодушную любовь как современников, так и потомков, такое восхищение и чувство удивительной близости.

– Вы, конечно знаете, что 8 августа – дата начала михайловской ссылки Пушкина, – продолжал Хованский, – и ежегодно в эти дни здесь устраиваются вечера поэзии и музыки, ведь вряд ли вы назовете второго поэта, на стихи которого написано столько музыкальных произведений.

– Бедный Пушкин, – добавила я с сожалением, вспомнив оперы, романсы, балеты, кинофильмы, созданные по его произведениям. – Человек тонул в долгах, а ведь если бы правительство сумело предвидеть реальное будущее, его наследие принесло бы государству миллионы!

– Bravo, я об этом не поду-

мал! – улыбнулся Хованский.

Мы сидели в буфете Мариинского театра, в антракте, и неспеша потягивали шампанское.

– Значит, так, – продолжал Хованский, – вы работали без выходных, чтобы иметь дополнительные свободные дни. А я сегодня же позвоню и забронирую для вас номер в маленькой гостинице Святогорского монастыря. В подобные дни там уйма народу...

Итак, я и Лина Абашидзе вместе с Хованским и его двумя коллегами – все трое были солисты Ленинградской филармонии – 7 августа выехали во Псков. После 5 часов езды мы прибыли в Остров, а уже там пересели в автомобиль, чтобы добраться до места.

Едва я глянула в окно и увидела степной простор, как почувствовала близость Пушкина. Мне подумалось, что эти места и вдохновили его на создание «Бесов». И тут же на нашей машине спустилась одна покрывка. Пришли на ум строки. «В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам», – продекламировала я со смехом, обращаясь к водителю.

– Ничего удивительного, – с улыбкой отозвался он, – я вот тоже на этой дороге то «Бесов» вспоминаю, то «Зимнюю дорогу»...

– А мне вспомнились слова арии Елецкого «Я вас любил...», – признался Глеб Хованский и стал негромко напевать мелодию.

И я подумала, что Пушкин всей мощью своего интеллекта, всей силой своей природы с самого начала нашего пути полонил нас и вместе с нами едет по пустынным просторам степи. Вот он скачет на лошади, вот неторопливо шагает по тропе со своей неразлучной девятифунтовой железной тростью. В движении им овладевала жажда сочинительства, муза прилетала и требовала запечатления, и он слагал, слагал свои шедевры. И если нравилась ему рифма, или строфа, или образ, им созданные, он воздевал кверху свой необычайный посох и, потрясая им в воздухе, одобрительно восклицал: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» Так, возвращаясь из Тригорского, он создал зна-

менитую сцену свидания Марины и Дмитрия. Что-то помешало ему по возвращении домой сразу же записать эту сцену, и потом, читая ее восхищенным друзьям, он говорил, что тогда, по дороге, когда он создал ее устно, она звучала много лучше.

Здесь, в пушкинских местах, нет ни одного клочка земли, ни дерева, ни камня, ни озера или речки, или помещичьих усадеб, которые так или иначе не были бы связаны с именем Пушкина, с его любимыми друзьями, с его персонажами, с именами его замечательных соседей...

Рассказы, рассказы... Бесчисленные воспоминания – о Пушкине, о его окружении... Главный хозяин заповедника, Гейченко, высокий, однорукий, весьма симпатичной наружности мужчина, пушкинист и автор прекрасных рассказов о Пушкине, вместе со своей супругой – черноокой, черноволосой лезгинкой, радушно и тепло встречают нас, как близких родственников. Она, оказывается, много лет жила в Тбилиси на улице Резо Табукашвили. Первым делом они везут нас по дороге в Михайловское, к мемориальному дому. Где-то внизу виднеется небольшое озеро. Гейченко и его супруга сообщают нам, что отсюда нужно громко позвать Александра Сергеевича, и он оттуда ответит. Я и Лина закричали во всю мочь: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич!» Со стороны озера и вправду послышался слабый отзыв «Ау-у», что, по словам Гейченко, означало «иду-у».

– Видите?! Видите?! Он ответил и приветствовал нас! – говорил обрадованный хозяин.

– А это значит, что Пушкин идет к нам и уже не оставит нас! – подхватили мы с Линой. – Да, и Пушкин, и его персонажи, его герои!

Так оно и было. Может быть, где-то существует, – только я об этом не знаю, – другая подобная местность, другое мемориальное место, другой заповедник, который с подобной силой способен возбудить подобные чувства, ведь дом Пушкина – это дом Онегина, а Тригорское, дом и очаг многочисленной семьи Прасковьи Осиповой-Вульф, соседки и любимого

друга Пушкина, дом, ставший домом и приютом Пушкина, – это дом Лариных, дом Татьяны и Ольги. Именно в этом старинном доме устраиваются вечера поэзии и музыки. И для того, чтобы воссоздать колорит пушкинской эпохи, здесь специально не проведено электричество, и темнота озаряется свечами в старинных подсвечниках, а в комнатах мы видим рояль и убранство того времени. И наш новый знакомый Хованский своим красивым звучным голосом исполняет арию Онегина. А мастера художественного чтения декламируют написанные здесь главы «Евгения Онегина» и монолог Пимена, и последние сцены «Бориса Годунова», и мнится мне, что не только дух Александра Сергеевича, но и сам он во плоти вместе с нами слушает наш небольшой концерт. А по окончании вечера звучали звонкие голоса очаровательных шаловливых дочерей Прасковьи Александровны, их веселый смех. Пушкин очень их любил, писал им стихи в изящные альбомы. Потом подавали замечательное угощение – знаменитые яблочные пирожки Прасковьи Александровны, приготовленные по особому рецепту моченые яблоки, и затем Зизи, младшая из сестер, любимица Пушкина, потчевала гостей пуншем (жженкой) собственного изготовления. Зизи, в замужестве баронесса Вревская, оказалась единственным человеком, которой Пушкин доверил тайну своей роковой дуэли. В великолепном парке Тригорского, под одним из множества деревьев, стоит садовая скамья, выкрашенная в белый цвет – это «скамья Онегина». Говорят, что Онегин прочел свою жестокую нотацию бедной Татьяне, которая слушала его, сидя с колотившимся сердцем на этой скамье. Повсюду, куда не кинешь взор, Пушкин – со своими персонажами, со своими друзьями, со своей любовью... А по соседству, в саду Михайловского, – липовая аллея, которую потом назовут «Аллеей Анны Керн». Племянница Прасковьи Александровны, приехавшая в гости к тетке и навестившая поэта, покорила его сердце женственностью,

красотой и изысканностью. Это было глубокое и мучительное чувство. Камень, о который споткнулась ножка Керн, был перенесен в дом и возложен на письменный стол в кабинете поэта. Кто не знает шедевра, посвященного Пушкиным Анне Керн – «Я помню чудное мгновение»! Текст стихотворения он вложил в еще неразрезанные страницы «Евгения Онегина» и, взволнованный, вручил ей. А позднее Глинка написал чудесный романс на эти стихи. Вероятно, один лишь этот романс, приобретший широкую известность и любовь публики в России и далеко за ее пределами, смог бы покрыть все долги Пушкина. Между прочим, праправнук Анны Керн, известный академик-географ, составил план Михайловского и всего заповедника. После войны, когда все здесь было в развалинах, усилиями Гейченко Михайловское, согласно этому плану, восстановили, включая избушку Арины Родионовны, столь любимой Пушкиным. «Если бы ты знал, какие сказки я слушал, какие замечательные сказки», – писал Пушкин своему брату. Вряд ли найдется сегодня человек, который не знает и не слышал стихов

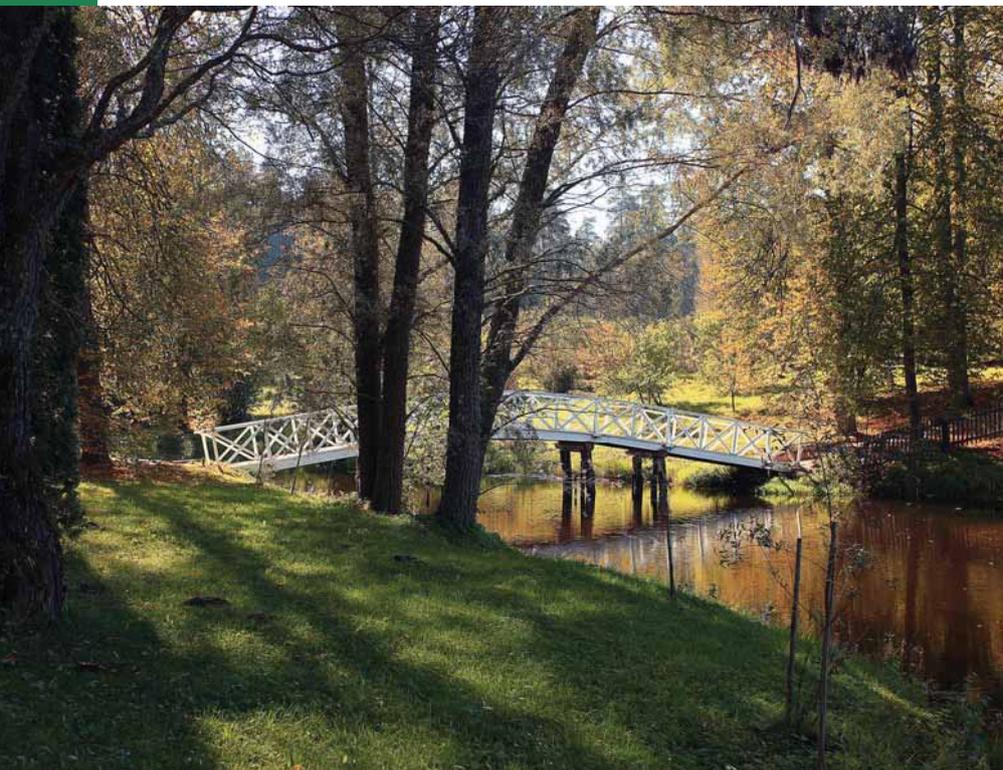
Пушкина, посвященных няне. Я помню, в детстве мои глаза наполнялись слезами, когда я слышала строки «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя...» Не знаю, кому, более чем Пушкину, могут подойти слова апостола Павла о любви. Сердце Пушкина было переполнено сокровищами любви, и потому он щедро рассыпал вокруг свои драгоценные жемчужины.

По моим наблюдениям, артисты не так часто хорошо читают поэзию, тяготея к форсированной игре, но в данном случае нам повезло: артисты ленинградской филармонии выступали в доме ближайших друзей Пушкина, в зале, освещенной канделябрами, и это производило чрезвычайно глубокое впечатление. «19 октября», «Пророк», «Храни меня, мой талисман», «Пора, мой друг, пора!..» Порадовала сердце «Зимняя дорога» в исполнении небольшого детского хора – чистые, звенящие голоса, возвышенная, проникающая в самое сердце музыка Шебалина. Это был незабываемый вечер, озаренный гением Пушкина. Казалось, он незримо последовал за нами и в гостиницу, в Святогорский мона-

стырь.

Игумену монастыря, отцу Ионе было поручено следить за Пушкиным, однако он, как свидетельствуют записи его дневника, покровительствовал опальному поэту. Главной заботой отца Ионы были грешные монахи, поселенные в монастырь за пьянство, за мелкое воровство, за разврат. В Петровском, будучи в гостях у генерала Ганнибала, брата деда Пушкина, один дьякон до того упился, что погнался за какой-то крестьянкой и, поскольку унять его никак не смогли, отец Иона велел посадить его на цепь. Потому и пишет он в своем дневнике, что для таких нужны только плеть и цепь.

На девятую пятницу Пасхи в монастырском дворе и за его пределами устраивалась большая ярмарка. Ярмарка длилась всю неделю. Откуда только не шел сюда народ, и кого только здесь не было. Шли из окрестных церквей, шли странствующие монахи, нищие, шли крестьяне. Пушкин, в ту пору работавший над «Борисом Годуновым», переодетый нищим, бродил в пестрой толпе, присматривался, прислушивался, запоминал... Можно ли было

найти лучшее место! Его красная рубашка мелькала то тут, то там. Он пел вместе со слепыми певцами, он любил народную музыку, народные пляски, песни... Садился на землю вместе с нищими, одному из них подарил свою рубашку. Странствующие монахи Варлаам и Михаил, незабываемый Николка, который в ответ на просьбу Бориса помолиться за него отвечает, что Богородица не велит молиться за царя Ирода, – все они здесь, в этой толпе, рядом с нами. А мы, постояльцы монастырской гостиницы, все те, кто по вечерам собирается в общей комнате первого этажа, где стоит титан и можно выпить горячего чаю вприкуску с малясенским кусочком сахара – только и всего, – мы знакомимся друг с другом, делимся впечатлениями и переживаниями, взволнованные всем виденным и слышанным. Интересная компания, объединенная любовью к Пушкину – недавно воротившийся из Англии советский экономист, где он несколько лет работает торговым представителем Советского Союза, и все эти несколько лет подряд привозит сюда своего очень симпатичного и воспитанного пятнадцатилетнего сына Сережу, чтобы его любовь к Пушки-

ну и родному языку со временем не ослабла. «А вы видели «Дуб уединенный»? А солнечные часы? Как приятно гулять по берегу Сороти, не правда ли? Немного далеко, но все же не упустите, побывайте в Петровском, имени арапа Петра Великого. Вы же знаете, Пушкин очень любил там бывать и проводить время с родственниками», – советует нам Лев Михайлович. Педагог из Москвы Анна Науменко, филолог, адепт Пушкина, слушает его с чуть заметной насмешливой улыбкой. Здесь, в этой местности, не только трехсотлетний огромный дуб, но каждый листок и каждый камешек ей знаком, она знает где, когда и кто здесь чихнул или кашлянул, ей не нужны советы приехавшего из Лондона экономиста. И она тут же декламирует наизусть любимые шуточные куплеты брата деда Пушкина, и двоюродного брата Надежды Осиповны. Ведь вся пушкинская родня была во власти рифмы. А вот прибывшая из Алма-Аты молодая женщина-физик со своей десятилетней дочкой – Ната и Тата, представились они нам, – охотно приняли предложения Льва Михайловича и обратились ко мне и Лине с просьбой – с утра пораньше отправиться в Пе-

тровское.

– Как вы думаете, не смогла бы и я поехать с вами? – застенчиво спросила меня еще одна обитательница нашей гостиницы, пожилая женщина, научный сотрудник новгородского музея, – я ведь с палкой хожу, у меня проблемы с позвоночником...

– Конечно, сможете, конечно! Мы будем идти в вашем темпе, время от времени останавливаться и отдыхать. Вы издалека приехали, с палкой, и как же уехать, всего не повидав? Это невозможно! – тотчас откликнулась алматинка Ната.

Эта симпатичная женщина, едва мы познакомилась, стала рассказывать мне о себе:

– Когда началась война, несколько девочек-отличниц из нашего класса находились в Артеке, известном приморском пионерском лагере, и лагерь целиком эвакуировали в Среднюю Азию, а вся наша семья осталась в Ленинграде и погибла во время блокады. Мой дядя, брат моего отца, интеллигент, известный геолог, в 30-е годы был арестован и сослан в Семипалатинск. Он так и не женился, остался холостяком. После ссылки его направили на работу в Алма-Ату, к счастью нас тоже привезли туда. Дядя сразу же забрал меня к себе и заменил отца. Но он целыми днями допоздна был на работе, а я сидела дома одна и только плакала. Однажды вечером дядя мне говорит: «Девочка, сними-ка с полки Пушкина, прочитаем, увидишь, тебе легче станет». Это было сказано так кстати и так на меня подействовало! Казалось, ангел пролетел и указал путь. С той поры Пушкин стал моим постоянным спутником.

– Как и для всех нас! – резюмировала педагог русского языка и литературы и оглядела нас.

– И особенно для меня, – неожиданно произнесла красивая русская женщина, приехавшая из Польши.

Мы уже знали, что эта женщина, которая семилетним ребенком вместе со своей семьей попала в фашистский плен и потом уже не вернулась в Советский Союз, осталась в

Польше.

– Где бы мы ни были, Пушкин всегда с нами, – продолжала она, – а сегодня, представьте себе, у меня было видение. Это случилось в Михайловском. Едва я ступила во двор, послышался звон бубенцов, и я увидела, как из дома выбежал Пушкин, босой, в одной сорочке, навстречу своему лучшему другу Пущину!..

– О, я верю вам, верю, – с улыбкой произнес Лев Михайлович, – ведь это волшебное место. Я не сомневаюсь, что у наших прекрасных грузинок тоже были видения.

– Пока не могу сказать о видениях, – сказала я, – но я воочию представила себе тот день, 7 ноября 1825 года, когда Пушкин закончил «Бориса Годунова». Он был один, и стал громко читать свое творение. А закончив, заплодировал и, довольный, радостный, воскликнул: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

– Да-а, именно так он писал Вяземскому, – подтвердила педагог русской литературы из Москвы, – а ведь до этого Пушкин говорил, что вот уж много времени у него нет другого общества, кроме его старой няни и его трагедии.

– И Алексей Вульфович, сын Прасковьи Александровны, свидетельствует, что испытал наивысшее наслаждение, когда Пушкин всю ночь читал ему «Бориса Годунова».

– Если меня спросить, так самый лучший источник всех видений – «Евгений Онегин». Это настоящий путеводитель по Михайловскому, – заметила Ната.

– Ну а вы, застенчивая госпожа, что вы скажете? – обратился к Лине Лев Михайлович.

– Знаете, нам буквально улыбнулась судьба, – ответила Лина, – нашими экскурсоводами стали Семен Степанович Гейченко и его симпатичная супруга. Куда только не водили они нас! И на Воронью Гору, и на Савкину Горку, и на берега Сороти, в красивейшие уголья заповедника, и попутно рассказывали нам об увлечениях Пушкина, поведали историю заповедника. Ведь Гейченко приехал сюда в сорок пятом,

когда здесь после войны царили разруха и запустение. «У меня не было ни сна, ни отдыха, – рассказывал Семен Степанович, – мною руководил Пушкин. Пушкин меня вдохновлял и направлял, потому что ни одно место на Земле не воскрешает Пушкина, кроме этого удивительного уголка». Эти аллеи, эти необыкновенные цветы, озерца, синяя Сороть, все эти благословенные места!.. И так же, как вы, Лев Михайлович, Гейченко говорит, что эти места обладают какой-то удивительной магией, потому что здесь жил и творил гений.

– А еще надо сказать, что здесь прекрасные экскурсоводы. У нас тоже неплохие, но с ними не сравнятся, к тому же все красивые и рассказывают, не побоюсь сказать, с вдохновением, образно, и ходишь, как зачарованная, наяву созерцаешь видения, – поделилась своими впечатлениями ученая дама из Новгорода.

– 15 мая нынешнего года для нас был траурный день, – заговорил Гейченко глуховатым голосом. – Погибла современница Пушкина – великолепная ель-шатер, краса тригорского сада. Эту ель упоминает Александр Сергеевич в своем стихотворении, ей он посвятил бессмертные строки: «Но там и я свой след оставил, Там, ветру в дар, на темну ель Повесил звонкую свирель», – продекламировал Гейченко и простер свою единственную руку в пространство.

Я подумала, что, возможно, его место могло быть и на сцене – его вполне можно было представить в амплуа какого-либо шекспировского героя.

– Ель долго и тяжело болела. В последние дни из ее поврежденной верхушки на землю по каплям сочилась прозрачная смола, словно слезы по лицу умирающего старца. Ведь ель была неоднократно ранена в тысяча девятьсот сорок четвертом, она была инвалидом войны, у нее были раны от снарядов, осколков гранат и от пуль, но она мужественно выдерживала все беды и невзгоды судьбы. За три года до кончины ель еще цвела, украшалась золотыми шишками, но

прошлогодние жестокие морозы еще более осложнили ее положение. Мы поставили вокруг нее леса, пригласили опытного ботаника, лечили ее как могли и не могли, но – прилетели дятлы, вестники смерти дерева, целая стая дятлов слетелась... По всему саду раздавался немолчный стук их клювов. Землекопы вырыли огромную могилу, корни ели достали из земли и, не повредив их, уложили ель на землю. Разрезали ствол, вынули оттуда пятьдесят осколков снарядов. Что-то блеснуло меж них – это была серебряная монета времен Ивана Грозного и вторжения Стефана Батория... Так похоронили мы нашу ель, на ветви которой великий поэт «повесил звонкую свирель».

Семен Степанович, этот неутомимый энтузиаст, сообщил, что они собрали множество семян погибшей ели и кому только их не послали, но, заверил он нас, семян у них хватит и для нас, и, что очень важно, они и здесь посеяли их в разных местах.

– Жаль, что нет здесь вина, – заметил Лев Михайлович, – а то бы выпили за помин этой замечательной ели!

Молоденькая миловидная Марианна поведала нам историю старинных обитателей Михайловского. Оказывается, здесь долго жили цапли. Гнездо их было высоко над землей, на кудрявой верхушке березы, но несколько лет назад случилась беда – буря свалила березу и разнесла в клочья гнездо цапель. В какое отчаяние впали птицы, когда прилетели весной и не нашли даже следов своего гнезда! Долго кружили они над Михайловским. Гейченко велел поместить на другое дерево небольшие колеса. Цапли поняли предложение Гейченко – облюбовали одно из колес и устроили там себе гнездо.

– Да здравствуют цапли и весь этот чудесный сад со всеми его обитателями – одушевленными и неодушевленными! – провозгласила Ната и подняла стакан с чаем.

– С одной стороны, даже удивительно, ведь когда Пушкина сослали в Михайловское, он всеми силами пытался вырваться отсюда, строил все-

возможные планы, чувствовал себя как в ловушке, но позднее понял, каким важным фактом стало его пребывание здесь, на земле его предков, среди простого народа, рядом с любимой Ариной Родионовной. Здесь, слушая ее рассказы, поговорки, прибаутки, сказки и сказы, он находился в стихии русского языка. Ведь в те два года он создал более ста произведений, и каких произведений! Жемчужины поэзии, эпоса и драмы! Его кипучая творческая энергия не знала удержу. Верно говорят, что именно в этот период Пушкин и стал создателем русского языка и гигантом поэзии. Дельвиг, его любимый друг, который, как и Пущин, приехал в Михайловское чтобы повидать Пушкина, писал: «Великий Пушкин, маленькое дитя... Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты...»

Мы необыкновенно радовались пребыванию здесь, и вместе с тем глубокая печаль отягощала наши сердца от того, что так трагически оборвалась его жизнь в расцвете сил. Никто не сомневался, что единственным шансом на спасение чести этого человека (а он пожертвовал собой именно во имя чести) могло стать возвращение сюда, в Михайловское, возвращение и поселение здесь, вдали от света. Когда Николай I спросит Пушкина, вернувшегося из Михайловского: «Пушкин, если бы вы были в Петербурге, приняли бы вы участие в 14 декабря?», он услышит уверенный ответ: «Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня». Представляете себе сегодня, в эпоху полной девальвации чести, осмелиться ответить так правителю страны?

Сам Пушкин прекрасно понимал, что должен уехать из Петербурга. В мае 1833 года он писал своему верному другу и соседке Прасковье Александровне: «Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три». Если бы он не потерпел и из-

бежал бы всех этих бесконечных балов, светских красавиц, дорогих нарядов и шуб, аксессуаров своей жены, комплиментов, которыми осыпали Наталью Николаевну поклонники ее очарования, начиная с государя и кончая Дантесом! Уйти, укрыться от всех этих интриг, сплетен, злых и жестоких анонимных писем и никогда больше не надевать этот унижительный мундир камер-юнкера!.. Все это душило его, давило ежедневно, ежечасно, ежеминутно и под конец погубило.

– Так обычно бывает, когда все складывается, будто по замыслу судьбы, – проговорил лондонский экономист.

– О, если бы он вовремя уехал оттуда! – отозвалась сотрудница новгородского музея.

– А ведь он рвался сюда, хотел купить землю на Савкиной Горке и там, наверху, поставить избу, чтобы работать в уединении, близ берегов Сороти и озера Кучане... Он и Прасковью Александровну вовлек в это предприятие, писал ей письма, но, к сожалению, приобрести землю не удалось, к тому же Николай I не проявил предусмотрительности и прозорливости своего предшественника Александра I и не удовлетворил ходатайства Бенкендорфа относительно прощения Пушкина, в котором поэт просил разрешения на три года покинуть Петербург и уехать к себе в Михайловское. Все мы это знаем.

– Ну конечно! – оскорбилась Анна Науменко, как бы говоря «разве мыслимо, чтобы я забыла хоть что-то, касающееся Пушкина!» – Бенкендорф, надо сказать, с большим пониманием отнесся к просьбе Пушкина, но, увы, он не получил согласия государя, это был 1835 год, и в этот год решилась судьба нашего незабвенного Александра Сергеевича.

– Неужели вы думаете, что первая красавица царского двора согласилась бы опуститься на ступень всего лишь матери и супруги, пусть даже супруг – первый поэт России? Красавицам, тем более придворным, их красота бьет в голову, и они уподобляются нарциссам, – сказала Ната.

– Тем более что ее красота заставляла быстрее биться сердце самого государя! Где уж там слушать прибаутки Арины Родионовны, гостить в шумном доме Прасковьи Александровны и созерцать спину собственного мужа, вечно сидящего над своими рукописями, – согласилась с Натой красавица-варшавянка Елена.

– Да, но ведь четверо детей могут так развлечь мать, что для прибауток времени не останется, – несмело возразила Лина.

– Это те женщины, которые гордятся только статусом матери. Например, прекрасные грузинские женщины, верные своим семьям. Я вот в Казахстане познакомилась со многими замечательными грузинками... Не думайте, что я это говорю просто так, нет, – и она с теплой улыбкой посмотрела на «грузинских женщин».

– Успокойтесь, дамы, – заговорила своим твердым педагогическим тоном филолог из Москвы, – как раз в это время Сергей Львович писал своей дочери, что Саша едет в деревню и Наташа с ним вместе. Так что не будем осуждать бедную Наталью Гончарову.

– Верно, Анна Николаевна, вы правы, – подержал Лев Михайлович. – Трудно назвать человека, о котором бы столько сплетничали и судачили, сколько о ней, и при жизни, и потом. Лучше обратим внимание на наших детей, они совсем заскучали. Давайте-ка попросим их почитать Пушкина! А ну-ка, Сережа, кто из вас начнет, ты или Тата? Брось жребий.

Дети, до сих пор молча сидевшие в сторонке, сразу оживились, заулыбались, переглянулись – мол, кто первый. И – начали, да с каким подъемом, с каким выражением! Эти прекрасные дети были хорошо воспитаны и вежливы, перед тем, как начать читать, они вставали, чуть склонив голову и устремив взор куда-то вдали, и поочередно декламировали отрывки из поэм и отдельные стихотворения. Звонкие, чистые голоса детей, выражение их лиц – все это еще более украшало великие строки. Нату и Льва Михайловича охватило

родительское честолюбие, они все напоминали детям, – «а ну-ка, вспомни это», «а ну-ка, прочти то». И это были не короткие стихотворения. Можно сказать, не переводя дыхания, Сережа прочел «Песнь о вещем Олеге», а Тата – «Деревню». Дети, как оказалось, очень многое знали наизусть и читали не только охотно, но и вошли в азарт. Под конец Лев Михайлович попросил сына, раз уж мы находимся близ могилы Пушкина, прочитать его стихотворение-завещание. И Сережа прочитал:

*...И где мне смерть
пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии,
в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?*

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Мы решили наградить детей призами и завтра же отправиться с ними в книжный магазин и по их выбору приобрести для них книги. Сказать правду, родители тоже заслуживали и похвалы, и призов, и мы все с этим согласились. Замечательный получился вечер, полный дружеского единодушия с совершенно незнакомыми людьми! «Гений прорывает плотины», – заключил Лев Михайлович.

В монастырском дворе стоит бронзовая фигура Пушкина, слева – лестница, сложенная из каменных плит. И церковь, и могила расположены на холме. Когда мы уходили, народу было уже очень много. Молодые паломники сидели на земле. Целая толпа направлялась к могиле. Мне вспомнились строки: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа...» Глаза мои наполнились слезами. Все мы знали, что

тело Пушкина было уложено в дубовый гроб, знали, с какой скоростью мчали лошади кибитку и сани с телом, лошадей так погоняли, что одна лошадь пала. В кибитке сидел близкий друг семьи – Александр Тургенев, а рядом с гробом – верный «дядька» Пушкина, его камердинер Никита Козлов. Этот пожилой человек так скорбел и горевал, что его неподдельное горе подействовало даже на сопровождающего кибитку жандарма. Знали мы и то, что в дороге была остановка – заезжали в Тригорское, чтобы спросить дорогу. Прасковья Александровна и вся ее семья, обливаясь слезами, выбежали навстречу. Невзирая на сильный мороз, одна из сестер

поехала на кладбище – «пусть хоть одна из нас проводит Александра Сергеевича». Вырыть могилу было невозможно, разбили лед и в лед опустили гроб. И только весной, в марте, Пушкина похоронили рядом с матерью. Да, все это мы знали, но когда подошли к его могиле, несмотря на наши слезы, восприняли мраморный обелиск как символ бессмертия, а не смерти.

Перед отъездом я спросила Лину, какой, по ее мнению, из афоризмов Руставели подходит Пушкину? «Щедрой будь подобно морю, что берет и дарит воды», – ответила она. И задала мне тот же вопрос. Я сказала: «Что отдал, твоим пребудет, что не отдал – потерял».

ЖИЛ-БЫЛ ЭЛЬЗАССКИЙ ДВОРЯНИН

■ Владимир ГОЛОВИН

Эльзасский дворянин Жорж-Шарль скончался в восемьдесят три. Без муки.
...Сияла орденов эмаль,
рыдали правнуки и внуки,
скорбели чинные месье,
упомянув о заслугах
и даже о былой красе
сенатора, барона, друга.

Царь, император и король
ему внимали, благосклонны,
он понимал, в чем жизни соль,
и ловко обходил препоны.
И в Сульце – тихом городке –
покинул он свой дом старинный,
чтоб в землю лечь невдалеке
от женушки Екатерины.

Но дочь, которую вокруг
считали странною девицей,
поспоривши с бароном, вдруг,
обозвала его «убийцей».
И, хоть причину знали все,
не вспоминать о том решили
солидные мадам, месье
и те, кто в Сульце после жили.

Ну, а барон лишь вздернул бровь,
тогда, в ответ на обвиненье.
Да, он пролил когда-то кровь,
но не испытывал сомненья,
что он был прав: пред пистолетом
стоит лишь тот, кто сам полз.
Так всюду и твердил об этом,
эльзасский дворянин д'Антес.

НАД ГОРОДОМ ГАЛАКТИОНА

Тбилисские стихотворцы со стопками подстрочников буквально выстраивались в очередь к нему. Всею виной – ранняя его известность, легенды о нем (да, они всегда сопровождали «фантазера и мечтателя» с «окраин города Колпино», накопившего «много самых веселых и грустных историй» и выдумывавшего «небылицы»). Ясно было: не только война открыла имя Межирова. Звук, добытый в ней, был подтвержден Грузией.

Владимир Мощенко

Он переводил стихи с полным саморастворением, иногда мучительно, всегда вдохновенно. Помню, как мы с мамой однажды отвозили его на такси в далекую гостиницу, где он должен был переводить очередную поэму. Он нам звонил оттуда и говорил, что ничего не идет, не получается ни строчки. Но это обычно продолжалось дня четыре. Потом начинали писаться свои стихи!..

Он считал, что поэзия непереводаима, и написал об этом:

*Кура, оглохшая от звона, –
Вокруг нее темным-темно.
Над городом Галактиона
Луны бутылочное дно.*

*И вновь из голубого дыма
Встает поэзия, –
Она*

*Вовеки непереводаима –
Родному языку верна.*

Не зная грузинского языка, он переводил по подстрочникам. Но говорил, что эти подстрочники были замечательными, тончайшими переложениями оригинала, сделанные грузинскими поэтами, которые во всех тонкостях знали русский язык.

В нашем семейном архиве хранится телеграмма, в которой, в частности, сказано: «Дорогой Саша рады поздравить с единодушным присуждением вам высшей награды – Государственной Премии Грузии имени Руставели. От имени Комитета по Государственным премиям Григол Абашидзе Мурман Лебанидзе Тенгиз Перадзе».

Но послушаем, что говорит сам Александр Межиров об этой области мук и блаженства.

Зоя Межирова, дочь поэта

■ Александр МЕЖИРОВ

Я не намеревался заниматься переводами. У меня этого и в мыслях не было. Я вообще хотел быть историком. И больше всего на свете я люблю историю. Но так сложилось, что эта страсть все-таки победила.

В 47-м году в Грузию отправилась бригада писателей.

Александр, Леля и Зоя Межировы в Ликани

Николай Алексеевич Заболоцкий, Тихонов и Антокольский. Они взяли меня с собой, как говорится, от молодых. Я увидел Грузию. И тогда же впервые я прочитал переводы молодого Тихонова из молодого Леонидзе. Прочитал переводы молодого Пастернака из молодого Чиковани. Прочитал замечательные переводы Антокольского из Леонидзе, Григола Абашидзе и других поэтов. Я был совершенно потрясен. Для меня в этом открылось нечто новое. Хотя, как вы понимаете, переводных стихов к этому времени я прочитал тысячи. Но как-то я не воспринимал это как нечто реальное. Я не представлял себе, что для этого прилагаются какие-то усилия кем-то. Я считал, что перевод всегда существовал. Тогда же мне было предложено начать переводить. И со всем легкомыслием молодости, не зная грузинского языка, я с головой ринулся в эту пучину.

Первый поэт, которого я переводил, был Симон Чиковани. Это был очень большой поэт. Не знаю, можно ли это почувствовать в переводах. Поверьте на слово, если в переводах это не ощутимо. Он был совершенно оригинального видения мира поэт, я бы даже сказал, несколько капризного и произвольного. Он сопрягал несопрягаемое. Необыкновенно красочный мир и глубокая мысль. Он был человеком поразительного мужества, редчайшего мужества. В последние годы жизни он ослеп. Но его дух не был сломлен. Он продолжал писать. И по ночам горы приходили к нему в дом, и он слышал, как, тяжело подымаясь, они ломают ступени.

Леонидзе был совсем иной. Это был поэт стихии грузинского языка. Думаю, что это был великий поэт. Глаза у него были василькового цвета. Он был огромный, необыкновенно приветливый, взбалмошный, учнейший человек и замечательный поэт. В нем иногда бывало даже что-то смешное. Я помню, как однажды в сороковые годы он пришел ко мне в 320-й номер гостиницы «Тбилиси».

Была глухая ночь. Он постучал, увидел – я работаю. Он был чуть-чуть, может быть, навеселе, как у нас говорят. Он закричал: «Что ты губишь свою молодость на эти подстрочники?» И мы разговаривали всю ночь. И вот – темный преддуртненный коридор гостиницы. Он вышел в коридор, оглядел двери комнат и сказал: «Спят бухгалтеры. Курить бросили. Гришавили курить бросил. Чиковани курить бросил. А я, как Оскар Уайльд». И, довольный собой, удалился по этому темному коридору, и так я его и запомнил, как он уходит.

Но над всей грузинской поэзией возвышался, так же, как и возвышается сейчас, Галактион Табидзе. Он возвышался, как храм духа. Как храм действующий, но стоящий где-то высоко-высоко в горах. Я слышал только гул его колоколов. А дальше паперти не проник. Это поэт очень трудно переводимый. И только сейчас делаются самые первые попытки, хотя пробовали переводить его все. Это поэт грандиозный.

Нет надобности говорить о связях русской и грузинской культур. Вы прекрасно понимаете, что никто не давал Нине указаний писать эпитафию на могиле Грибоедова. Сама написала. Никто не давал указания русским поэтам воспевать Руставели и Грузию. А Грузия воспета в русских стихах замечательно. Вот с этого, пожалуй, и началось.

Я глубоко убежден, что переводить стихи имеет смысл только с полной самоотдачей. Иначе это никакого смысла не имеет, потому что, предавая строку переводимого стихотворения, поэт неизбежно предает свою собственную поэзию. Ну, а в теорию мы вдаваться не будем, потому что дальше уже надо говорить о том, можно ли переводить по подстрочникам или нельзя.

*Из авторского вечера
Александра Межирова
в Концертной студии
Останкино.
Москва, 1976 г.*

САМАЯ ЖЕСТОКАЯ И СИЛЬНАЯ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Медея – пожалуй, самый беспощадный женский персонаж античных трагедий. Культовая царица из западногрузинского царства Колхиды Эета прославилась своими магическими способностями и губительной любовью к аргонавту Ясону. Ее

Легендарная трагедия «Медея» древнегреческого драматурга Еврипида впервые была поставлена в 431 году до н.э. С тех пор она вот уже много веков притягивает к себе писателей, художников, композиторов, скульпторов, режиссеров. Исключе-

А искусство передает боль наилучшим образом...

История Медеи на языке танца

Браться за «Медею» дело не только большой чести, но и ответственности. Исследуя древнегреческую трагедию и, в част-

история – одна из самых страстных, в ней – весь калейдоскоп чувств, в крайних проявлениях. Ведь, полюбив Ясона, Медея помогла ему завладеть Золотым руном, а потом убила собственного брата и бежала с аргонавтами в Грецию. А когда возлюбленный предал ее, решив жениться на другой, Медея погубила соперницу и убила двух своих детей от Ясона.

нием не является и Грузия, где будоражащая кровь история Медеи ставилась неоднократно и на разных театральных подмостках. Ставится она активно и сегодня.

Только весной 2024 года я посмотрела два спектакля о Медее. Собиралась сходить и на третий, но переоценила свои силы, ведь эта трагедия – не из легких в психологическом плане.

ности, натуру Медеи, режиссеры обязаны поднять сложнейшие вопросы: можно ли простить и не предаться мести, на что мы способны на краю собственной бездны? Постановщики должны нырнуть в самую темную глубину человеческого сознания, при этом, пытаясь не судить, а понять все его проявления, от пылкой любви до внушающего страх отчаяния. А главное, доказать зри-

телям, что история Медеи может быть современной и в наши дни.

«В истории человечества трудно найти события, оказавшие столь же большое влияние на мировую цивилизацию, как события, связанные с Медеей, дочерью царя Колхиды, – говорится в анонсе спектакля «Медея» Нового театра имени Васо Абашидзе в Тбилиси. – Кем была Медея? Трагической женщиной? Или предательницей Родины? Мнения общества о дочери царя Колхиды не могут совпасть, примириться на протяжении тысяче-

бить...

Хореодраму «Медея» на сцене Нового театра поставил известный грузинский хореограф Коте Пурцеладзе. По его словам, идея оживить на сцене легендарный миф принадлежит режиссеру Давиду Доиашвили, известному новатору и экспериментатору грузинского театра. И хотя спектакль поставлен по греческим мифам и одноименной пьесе Еврипида, сам Пурцеладзе пошел на оригинальный шаг – представил не одну, а сразу несколько Медей, а вме-

личные периоды и сам человек разный. В каждом из этих промежутков мы меняемся. С нами меняются наша природа, наш характер. Все. Поэтому я считаю, что Медея и Ясон в Колхиде были одними, а в Коринфе стали совсем иными. И мы решили, что их разные версии будут воплощать разные актеры».

Хореодрама – это драматический балет, в котором игровые элементы преобладают над чисто хореографическими, а сам танец используется не столько для демонстрации техники и фи-

летий».

Примирить их в 2024 году, согласитесь, было бы, как минимум странно. Но не страннее, чем воскресить это мифическое головокружительное действо в танце, страстном, временами эротическом, буквально излучающем мощные животные энергии, способные заставить поверить в то, что в этой жизни все возможно, стоит только осмелиться полю-

сте с ними и несколько версий ее рокового мужчины, Ясона. И все это под музыку Керубини, Баха и Моцарта.

«Вы знаете, в природе человека, как у меня, так и у вас, существуют определенные периоды, – рассказывает постановщик. – Сначала это любовь, проходят годы, человек заводит семью, потом у него появляются дети, за ними внуки. И во все эти раз-

зических возможностей исполнителей, сколько выражает развитие событий, эмоции героев и отношения между ними не гласно, а телесно, почти наощупь».

По словам хореографа, сам жанр хореодрамы для Грузии довольно новый. И тут зрителям важно понимать, что перед ними не профессиональные танцовщицы, не настоящий балет, а актеры, которые рассказывают историю

в танце.

«Трудно, когда в спектакле нет текста, и все построено на движениях и выразительном изображении. И в то же время это очень интересно: ты все время находишься в процессе поиска, всегда в каком-то внутреннем монологе», – говорит актриса Анна Церетели.

Трепетный монолог Медеи в хореодраме прерывается порывами ее практически осязаемой, тактильной любви к Ясону, вспышками предательства, ядовитых сомнений, мести и зловещего преступления. Чего только стоят символы, поражающие воображение, в этом спектакле: убийство детей (две фигурки детей нарисованы на сцене золотым песком, и мать собственными руками разметет этот песок) или муки Медеи в пламени (на сцене предстает огромное полотно огненного цвета, которое

другой.

«Медея – это не ослепленная страстью дева, плененная любовью Ясона. И она отнюдь не помогает грекам украсть Золотое руно из-за любви. Медея – это колхидский принц, наследник колхидского престола, конфликтующий со своим отцом и братом. Ею движет желание отомстить царю, его семье и Колхидскому царству. Цель Медеи – не выйти замуж за Ясона, а разгромить, уничтожить Колхиду, семью отца и всю колхидскую культуру. Аргонавты же – не герои, а орудия в руках мстительной женщины», – говорится в описании очевидно скандального спектакля.

Версия драматурга Пааты Циколия предлагает совершенно неожиданный взгляд на миф о Мееде и исследует то, о чем даже задуматься страшно. Согласно трактовке режиссера, Медея до сих пор находится на своей ро-

о Мееде, я узнала, что некоторые весьма разочарованные театроманы покидали зал прямо посреди спектакля. И тут я должна сказать, что отчасти их понимаю. Паата Циколия дерзко снабдил свою версию смачными ругательствами, матом, унижающими достоинство оскорблениями. Одним словом, не оставил ничего святого, как сказали бы консерваторы. Так что, повторяю, понять зрителей, хлопающих дверью театра с криком «Это катастрофа!», можно. К такому смелому и откровенному театру нужно готовиться. И не один год, если не десятилетие.

«А если оставить все плоские фразы и поговорить о спектакле? Есть ли повод по-настоящему злиться? – пишет критик Анастасия Макашвили. – Да, есть, но объектом гнева является не нецензурная лексика. В пьесе не напрасно использованы слова,

переливается адскими языками, сжигая и пожирая Медею за ее же собственное решение).

«Медея s01e06»

Второй спектакль – «Медея s01e06» автора и режиссера Пааты Циколия. Зрители могут видеть его в репертуаре тбилисского Театра королевского квартала с 2022 года. И в этой постановке расклад акцентов абсолютно

дине, а всему виной побережье Колхиды – греховная, пропитанная кровью и пороками земля, на которой и выросла эта странная и загадочная мифическая фигура. Вот откуда дует ветер. К слову, в 2021 году пьеса «Медея s01e06» стала лауреатом Национальной литературной премии «Саба» в номинации «Лучшая пьеса года».

Прочитав не одну критическую статью об этой версии мифа

которые так встревожили часть зрителей. Что действительно должно нас злить и действовать нам на нервы, так это проблемы, выдвинутые режиссером на первый план».

А проблемы эти – вопиющие: безжалостное отношение к женщине, жестокость, моральное падение, утрата всех этических принципов и ценностей в угоду неограниченной власти и безраз-

дельному влиянию. Вот что предшествовало самому страшному и непоправимому решению Медеи.

«Вы, Боги, отвратите от меня всю эту боль. Я достаточно потерпела. Теперь вы меня знаете. Я – Медея. Бессердечная убийца. Но я не единственная, кого постигнет поражение», – говорит со сцены главная героиня.

Однако есть еще одно нестандартное обстоятельство, которое некоторых может привести в негодование и даже исступление: Паата Циколия не спешит решить поставленные в пьесе проблемы. Более того, он не утешает зрителя и даже не пытается вселить в него надежду.

Кстати, когда Паоло Пазолини, режиссера фильма «Медея» с Марией Каллас в главной роли, в одном из интервью спросили об источнике утешения в этой истории, Пазолини ответил: «Утеше-

Его игра просто ошеломительна. Актер искусно балансирует на грани абсурда и непростительно-го очарования, то смущая зрителей в зале своими бесстыжими вопросами, то просто влюбляя в себя своим поразительным талантом. И, как говорят зрители, каждый показ «Медеи s01e06» получается уникальным именно благодаря неумной энергии и бесспорному актерскому дару Сандро. Он словно всякий раз проживает на сцене новую жизнь и создает для публики абсолютно новый мир.

Одним словом, вы должны увидеть и оценить этот спектакль сами.

Медея – настоящая грузинка?

«Медею» на грузинских театральных подмостках ставили неоднократно. Ее образ воплощали великие актрисы. Достаточно назвать Верико Анджапаридзе

– спектакль Гурама Мацхонашвили по пьесе Лаши Бугадзе, удостоенный Национальной театральной премии «Дуруджи» «за лучшую режиссуру».

И, наконец, хочется упомянуть еще одну достойную внимания постановку «Медеи» на современной грузинской сцене – спектакль Михаила Чарквиани, поставленный на сцене Нового театра в 2016 году. Эта «Медея» тоже наделала шума: спектакль называли безумным, аномальным, внеземным...

«Иностранцы часто спрашивают, почему мы так редко ставим «Медею», ведь эта история о грузинской женщине, о которой знают все, даже люди со средним образованием, – рассказывает М. Чарквиани. – Действительно, Медея – персона, которая затмила даже Аргонатов. Непобедимая женщина. Можно сказать, логотип грузинской женщины, занявшей значимое место в мировой литературе. Безусловным лидером среди женских персонажей в литературе, согласно множеству опросов, остается именно Медея».

Современная, отчаянная, до неприличия смелая, до мурашек живая – такая Медея предстала перед публикой в постановке Чарквиани.

«Я не знаю актрис, кого бы не испугала возможность сыграть Медею. И я считаю, что это самый точный характер грузинки. Медея – самая что ни на есть грузинская женщина. Воплотить ее образ на сцене – очень пугающий, нервический, но интересный опыт», – говорит исполнительница роли Медеи, актриса Буба Гогоришвили.

«Все знают, кем была Медея. Но почему-то в Грузии ее странным образом игнорируют, – рассуждает исполнитель роли Ясона, актер Каха Кинцурашвили. – А ведь это первая сильная женщина, хоть и в литературе. Первая женщина-эмигрантка. Так что все это чрезвычайно актуально».

Иногда миф стоит рассматривать не как миф, а как реальность. «Миф о Медее – настоящая история о нас, о грузинах, – уверен Михаил Чарквиани. – Медея – грузинка, которая была абсолютно земной. Я верю в это! Я знаю женщин, которые могли бы быть Медеей».

ние? Я не ищу утешения. Я, как и любой человек, во все времена стараюсь найти источник маленькой радости или удовольствия. Но что касается утешения, то оно всегда дело неискреннее и иллюзорное».

Возвращаясь к нашумевшей постановке Циколия, подчеркну, что отдельного упоминания стоит персонаж Апсирт, брат Медеи, в исполнении Сандро Самхарадзе.

и Зинаиду Кверенчиладзе – это классика актерского мастерства.

А из числа самых интересных постановок последних лет можно вспомнить «Медею» в Театре киноактера им. Михаила Туманишвили в постановке известного греческого режиссера Михаила Мармариноса и спектакль Арчила Чхартушвили в Театре им. Сандро Ахметели. Грузинские театралы видели и «Антимедею»

«ПОВЕЛИТЕЛЬ» И ЕГО «ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ» КАК ОТКРЫВАЛИ ВТОРОЙ ФРОНТ

■ Владимир ГОЛОВИН

Восемьдесят лет назад началась самая грандиозная десантная операция в истории войн. В июне 1944 года высадкой войск антигитлеровской коалиции в северной Франции был открыт долгожданный Второй (Западный) фронт, сыгравший огромную роль на заключительном этапе Второй мировой войны. Стратегическая операция вторжения союзников получила кодовое наименование «Оверлорд» («Повелитель») и включала в себя еще несколько тактических операций под отдельными названиями. Так, первая фаза «Оверлорда» называлась «Нептун»,

именно она началась 6 июня и закончилась 1 июля 1944 года. Ее цель – завоевать плацдарм на континенте. Потом прошла операция «Кобра» – прорыв и наступление по территории Франции.

Совместно действовать против гитлеровцев союзники начали еще в 1939 году, но их войска были разгромлены под Дюнкерком, и материковая Западная Европа фактически оказалась в руках немцев и их союзников. Война в небе и в море, конечно, продолжалась, но до общей сухопутной операции в Европе дело не доходило. С 1942-го британские войска сражались в Северной Африке, в следующем году аме-

риканцы высадились на Сицилии и в Италии. Это были заметные эпизоды Второй мировой войны, но непосредственно Германии они практически не угрожали.

После вторжения Германии в СССР и установления союзнических отношений с Великобританией и США Сталин начал требовать от союзников открыть в Европе второй фронт. Во время переговоров на Тегеранской конференции в 1943 году он заявил, что это надо сделать как можно скорее. Предлагаемый союзниками «балканский вариант» был отвергнут – там уже активно действовала партизанская армия под руководством извест-

Фельдмаршал Монтгомери (слева) и капитан Джеймс

ного деятеля Коминтерна, югослава Иосипа Броз Тито. И местом нанесения удара было избрано побережье Франции. Начало назначили на май 1944 года.

При подготовке к операции «Оверлорд» союзники сосредоточили в Британии 4 армии: 1-ю и 3-ю американские, 2-ю английскую и 1-ю канадскую. В их составе было 37 дивизий (включая 10 бронетанковых и 4 воздушно-десантных) и 12 бригад. Морскому десанту выделили 1213 боевых кораблей, свыше 4100 десантных судов, барж и катеров, около 1600 торговых и вспомогательных судов. Авиация насчитывала более 10200 боевых и 1360 транспортных самолетов, 3500 планеров.

Планировались комбинированная высадка с моря и десант с воздуха. Авиация усиленно бомбила основные транспортные узлы, железные дороги и склады. Успех высадки во многом зависел от того, насколько быстро удастся накопить на захваченном плацдарме крупные силы пехоты и танков, способные выдержать немецкий контрудар. И было решено захватывать плацдарм в стороне от портов, создавая искусственную гавань, пирсы которой получили условное наименование «Малбери».

Именно тогда Уинстон Черчилль выдал свой очередной афоризм: «Правда настолько драгоценна, что нуждается в надежном телохранителе в виде лжи». И под говорящим названием «Бодигард» («Телохранитель») была тщательно проведена на многих уровнях неслыханная в истории работа по сокрытию планов

операции и дезинформации противника. Когда после войны в захваченных документах немецкой военно-морской разведки обнаружили около 250 агентурных донесений из разных источников, выяснилось, что лишь один из них (французский полковник в Алжире) давал информацию, похожую на правду. Но ему попросту не поверили.

Целью «Бодигарда» было убедить немцев в том, что вторжение произойдет или в районе Па-де-Кале, или в Норвегии, или на Балканах. И через немецкую разведку довести до Берлина, что высадка десанта в Нормандии – всего лишь отвлекающий маневр. А уже после него, не раньше июля 1944-го, начнется настоящее вторжение.

Работа по введению противника в заблуждение началась еще в январе 1944 года. Ее вело специальное подразделение «Лондонская контролирующая секция» под руководством полковника Джона Бевана. Она работала вместе с Комитетом Специальных Операций совместного Верховного штаба союзных экспедиционных войск и Генеральным штабом Красной Армии. В результате такой согласованности действий и творческого подхода специалистов этого специального подразделения, в ходе стратегической операции «Бодигард» проводилось около 35 дезинформирующих операций разнообразного назначения. И каких операций! О каждой из них можно снять захватывающий многосерийный блокбастер.

...25 мая 1944 года в британской крепости Гибралтар на тер-

ритории Испании приземлился личный самолет Уинстона Черчилля, и из него вышел фельдмаршал Бернанд Монтгомери, назначенный командовать экспедиционными войсками на Средиземноморском театре военных действий. Самого знаменитого британского полководца XX века узнали сразу по характерной внешности и встретили восторженно. Все были убеждены: приезд любимца солдат «Монти» не был случайностью, ходили упорные слухи о готовящейся десантной операции. И действительно, на обеде в штабе губернатора фельдмаршал конфиденциально объявил, что очень скоро начнется вторжение во Францию с южного направления. И через несколько дней отправился в Алжир «инспектировать армию вторжения».

И никто кроме нескольких высокопоставленных чинов не знал, что это был... спектакль. Рассчитанный всего на одного зрителя – немецкого агента, внедренного в губернаторский штаб. И тот «клюнул» – отослал в Германию услышанную за обеденным столом информацию, заслужив высокую оценку своей работы. На самом же деле фельдмаршал безвыездно находился в Англии и готовил войска к высадке в Нормандии. А роль его с высочайшей достоверностью сыграл военный финансист и актер-любитель, капитан Клифтон Джеймс.

Лицом и фигурой он был очень похож на Монтгомери. Целых пять недель его обучали манере фельдмаршала двигаться, общаться с окружающими, отдавать приказы. Капитану даже пришлось отказаться от табака и алкоголя – «Монти» не переносил ни того, ни другого. И все сработало! Немцы собрали у Южного побережья Франции значительные силы, которых потом так не хватало в Нормандии!

Но помимо «исполнителя главной роли» капитана Джеймса были еще и сотни безымянных «актеров» – отставных военных, уже не пригодных для службы. Чтобы попасть на роли «должностных лиц», от них требовались лишь хорошо поставленный командирский голос и офицерская манера общаться. Целыми сутками они вели между собой активный радиообмен, обсуждая фик-

Двойные агенты Х. Пужоль, Д. Попов и Н. Сергеева

тивные перемещения воинских частей, поставки боеприпасов и топлива, снаряжения и продовольствия.

Еще они «обсуждали планы и командиров» и вместе с информацией, которую легко проверить, сообщали и стратегическую дезинформацию. Так все время шли переговоры между подразделениями союзных войск, часть из которых была реальностью, а часть – вымыслом. Были придуманы 55-я пехотная дивизия США, британский 7-й корпус, батальоны рейнджеров и многое другое. Причем, вымышленные подразделения заказывали боеприпасы, топливо и продовольствие наряду с действующими.

Вовсю использовались немецкие агенты, которые были раскрыты и перевербованы союзными контрразведками, но в Германии об этом не знали. Они передавали под контролем англичан «секретные сведения, полученные с огромным трудом». Особенно отличились среди них испанец Хуан Пужоль, даже получивший от немцев орден «Железный крест», Наталья Сергеева – принявшая французское подданство дочь белогвардейского генерала Евгения Миллера, и харизматичный серб Душан (Душко) Попов – один из главных вдохновителей романов Иана Флемминга о Джеймсе Бонде, прототип агента 007 в книге «Казино «Рояль»... В радиоиграх шпионы-двойники передавали и достоверную информацию о погрузке войск на корабли в южных портах Англии, которую вполне

можно было проверить. Да вот только направлением отправки этих кораблей указывалось Средиземное море, что подтверждало уже имевшуюся у немцев ложную информацию.

Чтобы ввести противника в заблуждение, активно использовались и «игрушки для взрослых». Строились ложные аэродромы, на них демонстративно перебрасывались боевые самолеты, которые ночью, замаскировав, вывозили. И ставили на их места реалистично покрашенные макеты. Как и полагается, возле суетились механики, ходили часовые, готовились отражать воздушные атаки зенитчики. А по ночам магнитофоны через мощные динамики транслировали рев авиационных двигателей...

Создавались настоящие выставки танков, пушек, грузовиков, амфибий. Все они были из резины, и на расстоянии неотличимы от настоящей боевой техники. Некоторые «танки» даже имели собственную ходовую часть и могли самостоятельно передвигаться. Чтобы перемещать эту «технику», достаточно было просто сдуть макет и сложить его в кузов грузовика. Французское движение Сопротивления получало по радио ложные инструкции об усилении саботажа, особенно на путях снабжения, которые вели к Па-де-Кале. Тем самым подтверждалось предположение немцев, что именно этот район является целью вторжения войск союзников.

А еще о сосредоточении войск все время «проговаривались»

солдаты и сержанты в пабах и офицеры на приемах. Местные почты были завалены солдатскими письмами, демонстративно «почищенными» военной цензурой. На лесных дорогах устанавливались посты военной полиции и шлагбаумы, по ночам тщательно прокладывались колеи военной техники. И эта техника всю ночь каталась по кругу, рокотала на улицах спящих городков и деревень, в которых запрещалось включать свет и находиться на улицах.

Союзники создавали впечатление, что мифическая 4-я британская армия и советские дивизии будут высаживаться в Норвегии, где у немцев было 200 тысяч человек, и было важно, чтобы они там оставались. Ряд своих дивизий немцы без всякой пользы сосредоточили на юге Франции, задействовали в Италии на побережье Бискайского залива. Вдобавок союзники создали фиктивную американскую армейскую группу, из «штаба»

Д. Эйзенхауэр напутствует солдат вечером 5 июня 1944

Воздушный десант в тылу немцев

которой постоянно шла «утечка секретной информации» о том, что главный удар вторжения во Францию будет у Кале. Чтобы подкрепить эту версию, канадская пехотная дивизия развернула свой штаб в Дувре, и ее солдаты не скрывали своих эмблем в форме кленовых листьев.

Вражеских шпионов и высадки разведывательных групп союзники не очень боялись – немецкая агентурная сеть в Англии была практически ликвидирована, попытки высаживать агентов с самолетов или подводных лодок ощутимых результатов немцам не давали. А с их авиаразведкой тоже шла игра. Немецкий самолет, часто появлявшийся над Кентом и Темзой, мог фотографировать канадские войска, американскую «армейскую группу» и сотни небольших лодок, которые были не в состоянии даже выйти в море. Зенитчикам приказали обстреливать, но не сбивать этот самолет, и он стал прилетать ежедневно, старательно фотографируя ложные объекты.

Для имитации фиктивных аэродромов по ночам устанавливались световые дорожки там, где в действительности паслись лишь овцы и козы. Сотни магнитофонов с усилителями изображали рев моторов тяжелых самолетов, привлекая внимание немецкой агентуры. Сопровождали все это воздушные шары и легкие самолеты, оснащенные проигрывате-

лями с усилителями. Они с ревом пролетали над немецкими позициями.

Капсулы со специальным электрическим и акустическим оборудованием, запущенные через пролив, вызывали на экранах радиолокационных устройств гитлеровцев отметки о приближении громадной эскадры. Британские агенты в Швейцарии, Испании и Португалии спрашивали в книжных магазинах и киосках туристическую карту Михелина номер 51 с дорожной сетью и достопримечательностями Па-де-Кале. Нем-

цы тут же обратили внимание на топографический интерес к этому месту. Специально печатались единичные экземпляры книг с нарушениями цензуры, издавались поддельные периодические и технические журналы, в которых описывались запланированные к выпуску образцы военной продукции, рассматривались подробности подготовки и обеспечения вторжения. К публикации были якобы разрешены сотни чертежей и карт военных учений.

А Верховный главнокомандующий экспедиционными союзными силами генерал Дуайт Эйзенхауэр с конца мая регулярно и демонстративно лично обращался по радио к подпольщикам Сопротивления, требуя следить за захватчиками и собирать информацию о поведении каждого из них в оккупированных областях.

В итоге всего этого грандиозного и разнообразного обмана на всех уровнях германская военная разведка Абвер нанесла на свои оперативные карты аж 30 несуществующих американских, канадских и английских дивизий, которые по мнению Берлина должны были нанести удар, переправившись через пролив Па-де-Кале. Немецкий генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель позже признавал: «Вторжение союзников в Северную Францию ожидалось нами, начиная с весны 1944 года, в моменты,

когда устанавливалась хорошая погода. О начале высадки войск в Нормандии было сообщено командованию своевременно, однако объявили только обычную тревогу, как и в ряде предшествовавших случаев. Многочисленные выходы и действия поисковых групп стали для нас чуть ли не обычными явлениями... Немецкой разведке не было ничего известно о реальном состоянии хода подготовки союзников к вторжению. Когда десантные средства союзников появились у побережья Нормандии, не была даже объявлена высшая степень боеготовности немецких войск. Дислоцированные во Франции подразделения и части получили лишь распоряжение о боевой готовности».

Обычно, говоря о высадке союзников, отмечают, что в ней участвовали американские, британские и канадские войска. На деле же в силах вторжения сражались и формирования европейских стран, находящихся тогда под гитлеровской оккупацией. «Свободную Францию» представляли около 400 000 человек. Часть их высадилась на парашютах с британцами, часть присоединилась к союзникам в августе. Польские летчики участвовали в воздушных операциях высадки в составе Британских ВВС, польские моряки обеспечивали высадку в рядах Британского фло-

та. 1-я Польская бронетанковая дивизия, созданная в 1942-м в Шотландии, участвовала в ключительных этапах битвы за Нормандию.

Три бельгийские эскадрильи в составе Королевских ВВС Великобритании наносили удары перед высадкой, два бельгийских корвета защищали десантные транспорты. А в августе к вторжению присоединилась бельгийско-люксембургская Бригада Пирона из 2200 человек. Нидерландские пилоты совершали боевые вылеты в составе 320-й эскадрильи Британских ВВС, 13 нидерландских торпедных катеров защищали десантные корабли, 20 нидерландских торговых судов, включая буксиры, обеспечивали вторжение. Две канонерские лодки активно участвовали в боях, а устаревший нидерландский крейсер «Суматра» был... затоплен для защиты искусственной гавани. В августе в Нормандии высадилась Бригада Принцессы – около 1300 человек.

Свыше 2000 чехословацких летчиков служили в Королевских ВВС Великобритании. В первый же день высадки выполняли многочисленные вылеты 3 независимые чехословацкие истребительные эскадрильи под британским командованием, чехословацкая бомбардировочная эскадрилья патрулировала Ла-Манш в опе-

рации «Корк», нацеленной на немецкие подлодки. 1-я чехословацкая бронетанковая бригада была развернута во Франции несколько недель спустя после высадки союзников в Нормандии, а еще сотни чехословацких военнослужащих сражались под флагами других стран-союзников.

В норвежских силах были 2 эскадрильи истребительной авиации, 10 морских судов и 43 корабля торгового флота. Норвежцы входили в состав британских подразделений и имели свой собственный отряд «коммандос» для специальных операций. В высадке в Нормандии в армиях союзников участвовали 155 греческих солдат, 6 греческих кораблей, в том числе 2 корвета, а также 4 торговых судна. Во флоте, перевозившем войска через Ла-Манш, было 800 датских моряков. В день вторжения в небе находились 6 датских летчиков. Двое из них бомбардировали береговые батареи, трое обеспечивали истребительное прикрытие над Ла-Маншем и пляжами, а еще один вел разведку.

Ко всем ним генерал Эйзенхауэр перед началом операции «Оверлорд» обратился с краткой, но эмоциональной речью, достойной будущего президента США:

«Солдаты, летчики и матросы Союзных Экспедиционных войск! Вы отправляетесь в Великий

Крестовый поход, к которому вы готовились много месяцев. Глаза всех жителей мира устремлены на вас. Свободолюбивые люди повсюду молятся и надеются на вас. Вместе с нашими храбрыми братьями по оружию на других фронтах вы добьетесь уничтожения немецкой военной машины, свергнете нацистскую тиранию над угнетенными народами Европы, подарите безопасность и свободу всему миру.

Ваша задача будет нелегкой, враг хорошо обучен и вооружен, а его позиции надежно укреплены. Он будет жестоко сопротивляться. Но на дворе 1944 год, многое изменилось со времен прежних нацистских триумфов. Силы союзников нанесли немецкой армии значительный урон. Наша авиация умерила воздушную мощь противника, и его способность вести наземную войну. Наш тыл не только обеспечил нам подавляющее превосходство в вооружении, но и предоставил армии множество отлично обученных бойцов.

Настал переломный момент. Свободные люди всего мира вместе творят победу! Я искренне верю в вашу храбрость, верность родине и боевые навыки. Нам нужна безоговорочная победа. Удачи! И благословит всемогущий Господь наше великое и благородное свершение».

Вторжению в начале июня 1944 года противостояли во Франции, Бельгии и Голландии 880 тысяч человек и около 500 самолетов. А у союзников было более 7 тысяч боевых самолетов. Высадке предшествовали воздушные удары, длившиеся несколько недель. На транспортные суда в проливе Ла-Манш грузились войска первого эшелона вторжения, 4 тысячи самолетов и планеров высадили 3 парашютные дивизии, немецкие береговые позиции обстреливались флотом. А рано утром 6 июня началась высадка десанта с моря. Она шла несколько суток, и днем, и ночью в основном на пляжах Нормандии, получивших кодовые названия «Омаха», «Сорд», «Джуно», «Голд» и «Юта». Туда было доставлено 156 тысяч солдат и 10 тысяч единиц бронетехники.

К исходу 25 июля в результа-

Монумент в секторе высадки Омаха

те операции «Нептун» союзники собрали на отвоеванном плацдарме почти полтора миллиона человек. Этой крупнейшей группировке предстояло участвовать во второй части «Оверлорда» – операции «Кобра» по освобождению Франции, Бельгии и Голландии. Общая численность союзных сил постепенно увеличилась с 2 876 тысяч до 3 миллионов человек.

В целом операция прошла успешно, союзники закрепились на северо-западе Франции и могли начать наступление на Германию. Завершилась операция «Оверлорд» в конце августа 1944 года, когда был освобожден Париж и разгромлены немецкие подразделения, окруженные в Фалезском котле к западу от Сены, после чего открылся путь к франко-германской границе. Всего летом 1944 года нацисты потеряли убитыми, ранеными и пленными почти 450 тысяч человек, союзники – более 220 тысяч.

Потери, конечно, немалые. Но надо помнить, что это – вопреки правилу: потери наступающих почти всегда больше, чем у обороняющихся. Что по отношению к общей численности войск процент потерь мог бы быть и больше. И еще: можно только радоваться, что войсками союзников не командовал еще один видный военачальник Второй мировой войны, для которого солдаты и офицеры были попросту пешками в «военных играх», с судьбами которых можно было не считать-

ся: «Бабы еще нарожают».

Вот пишет о нем Дуайт Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу»: «Маршал Жуков рассказал мне о своей практике, которая, грубо говоря, сводилась к следующему: «Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые войска несут от противопехотных мин, считаются всего лишь равными тем, которые мы понесли бы от артиллерийского и пулеметного огня... Атакующая пехота не подрывает противотанковые мины. Когда она достигает дальнего конца поля, образуются проход, по которому идут саперы и снимают противотанковые мины, чтобы можно было пустить технику». Насколько я мог видеть, Жуков уделял мало внимания методам, которые мы считали жизненно важными для поддержания морального духа в американских войсках: систематическая смена частей и создание им условий для отдыха, предоставление отпусков и максимальное развитие технических средств борьбы, чтобы не подвергать людей ненужному риску на поле боя. Все это было обычным делом в американской армии, но, казалось, было неизвестно в той армии, где служил Жуков».

...А от «Оверлорда» до конца Второй мировой войны оставалось меньше года.

«ИСТОРИЯ ОТВРАТИТЕЛЬНА – ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Он и Она... История любви мужчины и женщины на театральной сцене – вариант абсолютно беспроектный! Сразу всплывают в памяти популярные дуэты из спектаклей «Варшавская мелодия» Л. Зорина, «Старомодная комедия» А. Арбузова, «Милый лжец» Д. Килти, «Двое на качелях» У. Гибсона... Как правило, это были бенефисы блистательных актеров! И вот сравнительно недавно на театральных подмостках появилась еще одна такая пара – известного драматурга Александра Гельмана, автора нашумевших в свое время пьес остросоциального звучания «Премия», «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Скамейка» и многих других, заинтересовала история любви физика Альберта Эйнштейна и жены скульптора Сергея Коненкова, агента советской разведки Маргариты. В итоге родилась пьеса «Альмар» (общее имя, составленное из первых слогов имен Альберт и Маргарита). Конечно, тут не обошлось без момента конъюнктурности. Все уж слишком кричит – величайший интеллект ХХ столетия, открытия которого сыграли вполне определенную роль в создании

атомной бомбы, и русская Мата Хари! Поэтому так важно было очеловечить текст пьесы, показать многолетний роман этих незаурядных личностей без всякого пафоса – как историю обычных мужчины и женщины. Режиссеру Александру Марину и актерам, занятым в спектакле «Эйнштейн и Маргарита», удалось вызвать к своим персонажам именно такое отношение зрителей (спектакль, гастролирующий в разных странах мира, был показан и на сцене Тбилисского театра имени Грибоедова). Между Маргаритой Ксении Раппопорт и Эйнштейном Алексеем Серебрякова существуют, прежде всего, некое чувственное притяжение и аура духовной близости, и все острые и актуальные мировоззренческие проблемы, политические вопросы, обсуждаемые героями, насколько не отменяют, а, скорее, усиливают присутствие этого момента. Ведь даже когда происходит разоблачение шпионки Маргариты, и разочарованный Эйнштейн в гневе изгоняет было любимую из своего дома, он тут же останавливает Коненкову и просит напоследок помыть ему голову... В этой просьбе есть что-то очень трогательное и нежное. И сама интимная сцена мытья головы проявляет максимальную степень доверия между таки-

ми разными и такими близкими людьми. Потому что их объединяет самое высокое, что все еще есть в нашем безумном мире, – любовь.

Для тех, кто не знает о романе Эйнштейна и Маргариты. Они познакомились в 1935 году, когда Принстонский университет заказал русскому эмигранту, знаменитому ваятелю Сергею Коненкову, жившему тогда в Нью-Йорке, скульптурный портрет Альберта Эйнштейна. Между физиком и супругой художника вспыхнула страстная любовь... и понеслось. В пьесе и спектакле подчеркивается, что речь идет именно об эксклюзивном чувстве с обеих сторон – невзирая на то, что Маргарите Коненковой пришлось выступить сразу в трех ипостасях: преданной жены, горячей любовницы и шпионки, играть даже не двойную, а тройную роль. Но, скорее всего, так оно и было – любовь, любовь... Разве поймешь этих роковых женщин, играющих мужскими судьбами? Во всяком случае, Александру Гельману и создателям спектакля было гораздо важнее показать историю истинной, романтической любви, чем «хладнокровный» роман, замешанный на голом интересе и идеологическом посыле. Да и зрителям (среди них, как правило, всегда больше женщин) гораздо интереснее смотреть «про любовь», чем про то, как циничная дамочка использует гениального физика по заданию КГБ. К тому же события в спектакле разворачиваются по законам щекочущего нервы детективного жанра – мы становимся свидетелями целой серии разоблачений

и саморазоблачений. При этом на сцене – минимум декораций: длинный стол с книгами и бюстом Эйнштейна, в пикантной сцене превращающийся в «ложе любви», накрытое ярко-красным покрывалом. Когда ученый узнает о сотрудничестве Маргариты с КГБ и эмоции зашкаливают, он в ярости разворачивает довольно громоздкий стол и ставит его по диагонали (сценография Алексея Серебрякова).

Звезда театра и кино Ксения Раппопорт безупречна в роли Маргариты. Ее образ в спектакле

чем-то напоминает стильных дам Серебряного века – например, танцовщицу Иду Рубинштейн с картины Валентина Серова, написанной им в Париже, или поэтессу и писательницу Зинаиду Гиппиус со знаменитого портрета Леонида Бакста (художник по костюмам Светлана Тегин). Непосредственность, обаяние, французский шарм и, конечно, незаурядный ум Маргариты – Ксении Раппопорт восхищают не только Эйнштейна, но и публику. Особенно когда эта необыкновенная женщина выступает с исповедью русской эмигрантки – песней Александра Вертинского «Маленькая балерина» на слова Натальи Грушко. Или танцует в паре с Эйнштейном, демонстрируя вместе с партнером

пластичность и изящество (хореография Марии Серебряковой). Или превращается в милую домохозяйку, ловко раскладывая на столе продукты и стряпая для любимого прощальный ужин. И мы не можем не верить Маргарите, когда она повторяет вслед за Эйнштейном: «История отвратительна – жизнь прекрасна!»

Да, история действительно отвратительна, ведь между двумя созданными друг для друга мужчиной и женщиной всегда была атомная бомба! С этого и начинается спектакль – с рефлексии немецкого физика Эйнштейна в связи с атомными бомбардировками США Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года (известно, что при атаке погибли 70-100 тысяч человек в Хиросиме и 70 тысяч в Нагасаки; число погибших вместе с теми, кто умер от лучевой болезни, превышает 500 тысяч).

Алексей Серебряков создает трагический образ ученого, не имеющего ничего общего с тем, что стало визитной карточкой Эйнштейна – его облетевшей весь мир фотографией с высунутым языком. Эйнштейн – Серебряков боится заснуть, физику снятся страшные сны: он сидит внутри бомбы! Эйнштейн очень одинок, раздавлен – наедине со своими обжигающими мыслями о страшной вине перед человечеством. И перед кем ему открыть душу, как не перед любимой женщиной? Маргарита видит своего Альберта отнюдь не торжествующим победителем и эпикурейцем, известным на весь мир блестящим ученым, создателем теории относительности, а человеком глубоко страдающим, осознающим свою ответственность за судьбы мира. Эйнштейн – Серебряков в полном раздоре: у него растрепаны волосы, растрепаны мысли и чувства, и она сочувственно слушает исповедь возлюбленного о поражении, которое он потерпел в главном деле своей жизни, пытаясь вывести единый физический закон, объясняющий все, что происходит в космосе и атоме, сформулировать теорию единого поля, объединяющую все четыре известные фундаментальные взаимодействия в природе – слабые, сильные, электромагнитные и гравитацию. Потерпев сокруши-

тельное фиаско, к концу жизни ученый изменил свое суждение о Боге. Сначала он говорил: «Бог хитер, но не зловреден», потом формулировка стала другой: «Я изменил свое мнение относительно Бога. Бог, наверное, действительно злой!»

При этом именно в своих откровениях Эйнштейн видит первопричину создания смертоносного оружия, ощущая себя преступником и неудачником. Серебряков заставляет зрителей сопереживать своему гениальному, но растерявшемуся перед мировым злом герою! Чтобы удержать возлюбленную и удержаться, не сломаться самому, ученый судорожно хватается за соломинку, свою последнюю иллюзию – он говорит Маргарите о готовности пойти на сотрудничество с Советами, чтобы спасти мир от катастрофы: ведь если у СССР тоже будет ядерное оружие (как у США), это поможет предотвратить конец света! Но Эйнштейн опоздал – у Советского Союза уже есть бомба, и теперь судьбы человечества больше от него не зависят. Маргарита навсегда покидает его, и одиночество гения становится окончательным. «Он был одиночкой, глубоко привязанным к человечеству, бунтарем, одаренным благоговением. И дерзкий клерк патентного бюро стал тем, кто сумел распознать мысли создателя Космоса, тем, кому удалось найти ключ к тайнам атома и Вселенной», – пишет известный американский журналист Уолтер Айзексон в своей книге «Einstein: His Life and Universe».

Боль Эйнштейна, его угрызения совести и страхи за будущее мира больше, чем когда-либо, созвучны дню сегодняшнему. Публика остро воспринимает слова физика об атомной бомбе, грозящей уничтожением человечества, – в зрительном зале раздаются аплодисменты. И даже великая любовь, даже она не может остановить это безумие!..

«На карту поставлена судьба нашей цивилизации», – предостерегал Альберт Эйнштейн в одном из писем бизнесмену Кливленду Доджу, датированном октябрём 1946 года. С тех пор прошло около 80 лет... Но ничего не меняется: мир продолжает балансировать на грани жизни и смерти.

Сцена из спектакля «Медведь»

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

■ Соб.инф.

Фото Юрия МЕЧИТОВА

В прошлом году на Малой сцене театра имени А.С. Грибоедова сыграл свой первый спектакль новый театр TEATRISTUDIA, а создал его режиссер, педагог Тимур Джинджолава.

Для первой постановки режиссером был выбран классический материал, с которого начинали свое творчество множество театральных студий XX века – одноактовки А.П. Чехова «Медведь» и «Предложение». Например, здесь, в Тбилисском русском ТЮЗе, в 1933 году Г.А. Товстоногов начал свой режиссерский путь именно «Предложением».

Т. Джинджолава назвал свой спектакль «Принцип».

Со слов режиссера: «Это название было продиктовано главной темой обеих пьес – мелкий принцип, мешающий людям жить счастливо».

В середине прошлого сезона Тимур Джинджолава открыл свою актерскую студию, а в конце нынешнего выпускается первая актерская мастерская. Выпускным спектаклем станет пьеса Юджина О'Нила «Луна для бездомных». Премьера спектакля студии пройдет 5 июля на сцене Грибоедовского театра. Т. Джинджолава в своей работе и обучении актеров следует учению Станиславского и традициям классического русского психологического театра.

Со слов режиссера: «Современная режиссура часто отвергает открытия К.С. Станиславского, путая эстетику актерского существования времен Константина Сергеевича и сам метод. Эстетика может устареть, но метод, основанный на психологических законах нашей жизни, – никогда. Только этот метод, эта система способны помочь нам раскрыть всю глубину событий, происходящих с людьми в пьесах».

На начало следующего сезона запланирована новая премьера, но в Москве. Материал для спектакля уже выбран – «Сцены из супружеской жизни» Ингмара Бергмана. Идет подготовка к началу репетиций. По эскизам и макету режиссера, инженерами создана декорация в 3D и готовится к производству.

Со слов режиссера: «Решением будущего спектакля стала максимальная условность всех декораций, чтобы сконцентрировать внимание зрителя исключительно на двух главных героях. Вся необходимая мебель появляется, раскладываясь из тонкого пандуса, установленного на сцене. На сцене только два персонажа – остальные герои не появляются. При этом сам текст Ингмара Бергмана переработке не подвергался. Как удалось избежать появления других персонажей? Я перенес их в зал, они невидимы, но зритель будет слышать их голоса».

Сцена из спектакля «Медведь»

Сцена из спектакля «Предложение»

Сцены из спектакля «Луна»

ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИВАНА ГОРГИДЗЕ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Он прошел путь от младшего научного сотрудника до помощника ректора Грузинского технического университета. Иван Горгидзе – академик Международной Инженерной академии и Академии по информатизации, член президиума Общества Грузии по истории наук, академик-секретарь Инженерной академии Грузии, автор 80 научных и публицистических работ. Он был энергичным человеком, любящим жизнь и людей. По призванию – ученый в области теории управления, по зову души – на-

ставник и движущая сила для своей семьи и многих молодых ученых страны.

Семья

Все близкие и друзья звали его Ваню, или ласково – Ванечка. Он родился в Тбилиси в семье выдающегося математика Алексея Горгидзе, во времена которого, в 30-40-х гг. прошлого века, в Грузии зародилось научное сообщество.

По воспоминаниям Дато Горгидзе, младшего брата Ивана, отношения в семье были добрые и дружеские. А

благодаря грузинским традициям, преемственности поколений и семейным застольям, где собирались все родственники, братья росли в атмосфере любви и взаимопонимания. Мама была любящей, но строгой, воспитывала сыновей просто, серьезно, по правилам, нарушать которые запрещалось. В семье не было ссор и распрей, родителей и детей связывали удивительно теплые отношения. Это подтверждает и его младшая дочь Люси Горгидзе: «Папа с детства купался в любви. В семье дружба и уважение были основой».

Иван Горгидзе с юных лет был целеустремленным и решительным. Он ставил цель и добивался ее. Препяды только закаляли его характер, а их преодоление становилось едва ли не смыслом существования. И его чувство опеки, известное всем близким и знакомым, – тоже родом из детства. Вначале Ваню опекал своего брата, контролировал его, направлял, но не навязчиво, а тактично и с любовью. Затем, будучи уже взрослым, заботился обо всех вокруг: о семье, дочерях, учениках, друзьях, да и просто знакомых. Вот как говорит об этом его брат: «Он всегда искал того, кого будет опекать. Допустим, кто-то хотел заняться каким-то направлением в науке, и Ваню очень старался помочь ему, найти путь и решения. Иногда тот, кого он опекал, пропадал и не появлялся какое-то время. Ваню очень переживал, нервничал. Я ему однажды сказал: «Ты сам создаешь себе проблему, потом успешно ее решаешь. Но для чего ты это делаешь? Человек сопротивляется, но ты все равно хочешь его куда-то вести». И знаете, что интересно? Сейчас очень многие мне говорят, что если бы Ваню не был таким настойчивым, они остановились бы и ничего не достигли. А он заставлял продолжать и двигаться к цели».

С братом у них на протяжении всей жизни сохранялись теплые отношения. Ваню регулярно звонил Дато со словами: «Я тебе позвонил просто так. Как ты?»

С будущей женой Аллой

Иван познакомился во время учебы в аспирантуре в Москве. И привез ее в Тбилиси. С рождением дочерей Ии и Люси чувство опеки у Ваню расцвело с новой силой. «Папа перенес любовь, полученную от родителей, в свою жизнь и в свою семью, – вспоминает Люси Горгидзе. – Поэтому мое детство ассоциируется только со словами «счастье» и «любовь», несмотря на то, что папа всегда был очень занят по работе».

Работа

Поездки, командировки, семинары и научные конференции – вот трудовые будни Ваню Горгидзе. В конце 70-х годов он включился в деятельность, по тем временам, новаторскую – участвовал в работе по исследованию организационных активных систем. Во время учебы в аспирантуре в Москве трудился в знаменитом Институте проблем управления. А затем поднял с нуля

и возглавил в Тбилиси Научно-производственное объединение вычислительной техники и информатики, где проработал генеральным директором вплоть до 1991 года.

Ваню был пионером грузинской школы теории активных систем. Вместе с коллегами занимался проблемой достоверности информации, оценкой эффективности принципа открытого управления, решал проблемы стимулирования и оптимального планирования. С 80-х годов одна из ключевых задач в его работе – изучение объектов с иерархической структурой (трехуровневой системой управления).

С 90-х годов основные задачи систем управления были переориентированы на рыночную экономику, и И. Горгидзе совместно с другими учеными изучал состояние зарубежных исследований, в результате чего традиционные задачи управления получили свое развитие и в современном аспек-

те, в частности, управления проектами.

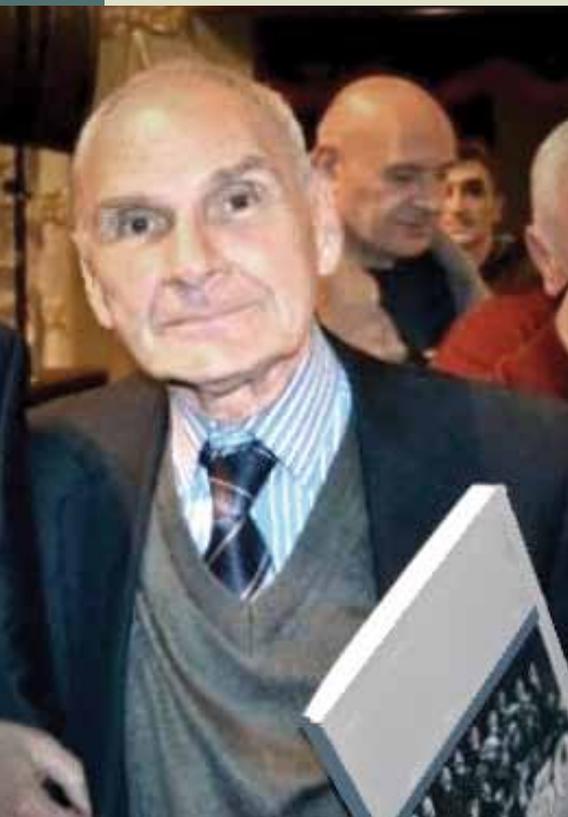
Исследования, анализ, описание полученных результатов теории активных систем, а также развитие и углубление теоретических исследований и расширение практических приложений – этому посвятил Ваню Горгидзе свою трудовую деятельность Ваню Горгидзе.

По его предложению была организована союзная школа-семинар по системам управления, где изучали и рассматривали вопросы сложных систем, термодинамики, моделирования планирования, получения решений в организационных системах. Семинары проходили в Грузии, Казахстане, Литве. А лекторами и преподавателями выступали выдающиеся ученые всего СССР. Активная работа в этом направлении породила новое поколение ученых, изучающих проблемы активных систем.

По инициативе Ваню Горгидзе более чем за двадцать

Встреча с Католикос-Патриархом Всея Грузии Ильей II

лет был создан целый ряд НИИ и предприятий: Тбилисский филиал Министерства радиопромышленности, Тбилисский научно-учебный центр ГКВТИ СССР, Транспортное и строительное предприятия, Комплекс международной компьютерной школы юных программистов и др.

Трудовая деятельность занимала у Ваню Горгидзе много времени, но он никогда не оставлял без внимания своих родных. «Бывало, мы по подаркам и шоколадкам около подушек понимали, что папа прилетел, но уже на работе, — с грустью вспоминает Люси. — Когда мы с мамой отдыхали летом в Пицунде или Москве, и к нам вдруг неожиданно приезжал папа — это было огромным счастьем. Папа всегда устраивал нам подобные сюрпризы, и хоть на один день, но прилетал».

Вера

Иван Горгидзе был глубоко верующим человеком. Вера затронула не только его разум или эмоции, но все силы души. Он обрел христианский опыт в глубине своего сердца. И потому его поступки, отношение к

людям были в высшей степени искренними и благими. В конце 90-х Ваню, будучи директором Научно-исследовательского объединения вычислительной техники и информатики Грузии, принял решение о передаче части территории, принадлежащей предприятию, Грузинской Патриархии — это большой участок в Цхваричамия, где к тому времени еще сохранились руины нескольких древних церквей. С благословения Патриарха Грузии Ильи II там началась реконструкция, которая длилась на протяжении нескольких лет. В итоге все старые церкви восстановили и построили одну новую.

Друзья

Ваню был открытым человеком, умеющим собрать единомышленников и друзей. У него были близкие люди по всему Советскому Союзу. Он сохранил отношения с теми, с кем учился в юности, заводил друзей среди молодых ученых. Ваню искренне восторгался их талантами и успехами. Дом его был всегда полон гостей. «Даже официальные банкеты заканчивались у нас дома, — вспоминает младшая дочь Ваню. — Мама была великолепной хозяйкой. Смех, пение, гитара, пианино — вот так проходило наше детство. Папиной любви хватало на всех. Он очень сильно всех нас любил, не мог пройти мимо, не поцеловав нас, не обняв. Но отпускал нас с сестрой учиться, строить свою жизнь. И мы всегда знали, что, вернувшись домой, опять станем любимыми маленькими девочками Ваню. И это знали все вокруг».

Иван Горгидзе стал другом мужьям дочерей. Он был опорой для всех, старался оберегать от проблем и невзгод. И всегда давал дельные советы и направлял на жизненном пути.

«Мои праздники всегда начинались рано утром, начинались с цветов. Моему мужу бывало стыдно, что папа всегда опережал его с цветами», — рассказывает Люси.

Внук

Никто даже не предпола-

гал, что любовь Ваню к близким может быть еще сильнее. Но с рождением внука убедились в обратном. Все то, что он, по его мнению, не успел дать своим дочерям, Ваню дал маленькому Николозу. Он стал ему и наставником, и другом. Они читали книги, обсуждали их, ходили в кино, театр, цирк. «Папа порой превращался в мальчишку, потому что они с Никой часами могли собирать «Lego», играть или читать, — продолжает свой рассказ Люси. — Настольной книгой была «Детская энциклопедия» — они ее читали, а потом всегда спорили, потому что характеры у них были очень похожи: оба очень упрямые. Вообще они любили спорить, даже о суперсилах каких-то фантастических героев».

Сейчас Николоз учится в Италии, его будущая профессия связана с искусством. По мнению Дато Горгидзе, если бы Ваню был жив, то обязательно переехал бы к внуку, чтобы помогать, поддерживать, и просто, чтобы быть рядом.

Память сердца

Люси Горгидзе признается: «Папа научил нас любить дом, людей, Тбилиси. Научил бескорыстно помогать другим. Он мог перевернуть весь мир и помочь даже незнакомому человеку. До сих пор получаю благодарности от людей, которые повстречали Ваню на своем пути. Папа научил нас радоваться каждому новому дню, каждому моменту. Он очень любил жизнь. И ему явно ее не хватало».

Иван Горгидзе ушел из жизни во время пандемии. Но в сердцах родных и друзей он и сейчас занимает особое место. Его вспоминают как человека, который всегда был полон идей и сил на их реализацию. Он, словно генератор, заряжал всех вокруг, побуждая познавать, двигаться вперед, создавать новое и покорять неизведанные вершины. И, кто знает, сколько таких вершин будет покорено теми людьми, которых вдохновил именно Ваню Горгидзе?

НЕЗАБВЕННЫЙ

Константин Певзнер был великим музыкантом и великим человеком. А еще, своей душой, своим характером, он, конечно, был грузином. Мы познакомились еще в студенческом оркестре ГПИ и подружились на всю жизнь. Мне есть за что его благодарить. Не только за прекрасные песни. Например, в первый раз в Париж я попала именно благодаря Котику – он меня рекомендовал. Он во всем был на высоте. Всегда был готов прийти на помощь – всегда! И ты чувствовал, что Котик – рядом, каждую минуту. И было спокойно на душе. Он стал для меня и композитором, и другом, и отцом – всем! Все, что во мне есть хорошего, в меня вложил Котик Певзнер. Не могу себе простить, что так и не решилась на наш с ним сольный концерт – в то время я еще робела, боялась одной стоять на сцене на протяжении целого концерта. А он так меня просил... Мысленно я всегда с ним рядом. Я и сейчас пою его песни. И даже дома постоянно их напеваю – просто так, для себя.

Нани Брегвадзе

100

Александр Чивадзе. Тбилиси, стадион «Динамо», май 1981 года

ПРОФЕССОР ФУТБОЛА

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

В Тбилиси издана книга «Профессор», посвященная жизни и карьере легендарного грузинского футболиста Александра Чивадзе – бывшего капитана тбилисского «Динамо» и сборной СССР, победителя Кубка обладателей кубков европейских стран 1981 года, бронзового призера Олимпиады-1980, участника ЧМ 1982 и 1986 годов, лучшего футболиста СССР 1980 года, Почетного гражданина Тбилиси. Автор книги – известный грузинский журналист, медиа-офицер УЕФА Мамука Кварацхелия.

По словам президента Ассоциации спортивных журналистов Грузии Михаила Абаишвили, книга издана Ассоциацией при поддержке Министерства культуры и спорта страны, действующего в Тбилиси Международного фонда спорта, туризма и молодежи, футбольного клуба «Динамо» Тбилиси. В организации презентации книги в «Ауди центре» и последующего торжественного вечера на территории винного завода компании «Ахашени 2005»

большую помощь организаторам оказал главный менеджер винного завода Важа Озашвили, давнишний поклонник грузинского спорта и знаток его истории.

На презентации присутствовали ветераны грузинского футбола, прежде всего, конечно, Александр Чивадзе, а также Тенгиз Сулаквелидзе, Отар Габелия, Вахтанг Коридзе, Давид Муджир-старший, Нукри Какилашвили, Георгий Чилая, Леван Меликия и другие, вдова футболиста-легенды, автора победного гола знаменитого матча 13 мая 1981 года в Дюссельдорфе Виталия Дараселия Марина Мамаладзе, президент вышеназванного Международного фонда Таризел Хечикашвили, представители Министерства культуры и спорта, спортивных и общественных организаций, депутат Сакребуло Тбилиси Шалва Огбаидзе, вице-президент Киноакадемии Грузии, создатель 19 документальных фильмов по спортивной тематике, в том числе, и фильма о А. Чивадзе, Гоги Торадзе и много-

численные журналисты, среди которых хотелось бы особо выделить коллег-ветеранов – почетного редактора спортивной газеты «Лело» Тенгиза Гачечиладзе и Демико Лолодзе, который 13 мая 1981 года находился в Дюссельдорфе и сделал уникальные фотографии победного матча тбилисского «Динамо».

В своем выступлении М. Кварацхелия отметил: «То поколение динамовцев Тбилиси, которое выиграло Кубок обладателей Кубков Европы, доставило огромную радость жителям Грузии... В 1981 году я был школьником, восхищался игрой нашей любимой команды и даже не думал, что в будущем подружусь с этими выдающимися мастерами футбола и буду писать о них книги». В прошлом году была издана книга о незаурядном форварде тбилисского «Динамо» Владимире Гуцаеве, сейчас – о А. Чивадзе. «В ближайшие годы я намерен подготовить издания, посвященные и другим знаменитым футболистам того поколения тбилисского «Динамо». Уже работаю над этим», – сообщил М. Кварацхелия.

Мамука работает журналистом с 1989 года. Он начал свой творческий путь в газете Тбилисского госуниверситета, затем был корреспондентом газет «Картули пехбурти», «Лело», «Сарбиели», «Резонанси», «Олимпи», спортивного сайта worldsport.ge, журнала «Атиани», сотрудничал с зарубежными спортивными изданиями. В разные годы работал пресс-атташе «Динамо-Арена» имени Бориса Пайчадзе, ф/к «Динамо» Тбилиси и Федерации фут-

М. Кварацхелия, Т. Хечикашвили, А. Чивадзе. Фото Шукри Дгебуадзе

бола Грузии. С 2001 года – медиа-офицер УЕФА. Кстати, в феврале 1990 года М. Кварацхелия был одним из учредителей Национальной футбольной федерации, которая тогда заявила о выходе из Всесоюзной Федерации футбола, из чемпионата СССР и о проведении национального независимого чемпионата Грузии.

Выступая на презентации, Александр Чивадзе поблагодарил Мамуку Кварацхелия «за большой труд по созданию книги». «Очень приятно и то, что презентация книги состоялась 13 мая, в день блестящей победы тбилисского «Динамо» и всего грузинского футбола на европейской арене. Книга насыщена фактами, думаю, что читатели, особенно молодые, найдут в этой книге множество интересных историй», – сказал А. Чивадзе.

А что касается названия книги, то Александра Чивадзе прозвали «профессором футбола» в европейской прессе весной 1981 года – за его изумительно интеллигентную манеру игры и поведения. И это имя закрепилось за ним навсегда. Вот как вспоминал об этом сам А. Чивадзе в одной из наших бесед: «В Лондоне, в марте 1981 года, после прекрасной победы тбилисского «Динамо» над «Вест Хэм Юнайтед» со счетом 4:1 в четвертьфинальном матче Кубка обладателей кубков европейских стран, меня впервые назвали «профессором футбола». Тогда мне было как-то неудобно – ведь я стал профессором без защиты диссертации. Но потом приятные эмоции перевесили, и теперь гадаю – когда

М. Кварацхелия и Т. Пачкория. Фото Шукри Дгебуадзе

же стану академиком».

После завершения карьеры А. Чивадзе остался в футболе: он был главным тренером национальной сборной Грузии, наставником молодежной сборной страны. В течение 26 лет – вице-президентом Федерации футбола Грузии. В 2002 году «За огромные заслуги перед футболом» Чивадзе был удостоен Почетного ордена УЕФА, который ему вручил в Тбилиси тогдашний президент УЕФА Леннарт Юханссон.

На вопрос «Вы не устали от популярности, от футбола?», А. Чивадзе ответил: «Я и мое поколение тбилисских динамовцев давно к этому привыкли. Я безмерно благодарен миллионам поклонникам и тысячам специалистов футбола, жителям разных стран за то тепло, которое они нам дарят. Конечно, человек устает от публичного внимания,

но с годами оно более приятно, чем когда-либо».

Поколение Александра Чивадзе продолжило традиции игроков тбилисского «Динамо», которые блестяще выступали в чемпионатах СССР в 1950-1960-х годах, были чемпионами СССР 1964 года и неоднократными призерами чемпионата, побеждали в международных матчах и турнирах, блестяще играли за сборную СССР. Эти традиции были заложены Борисом Пайчадзе, Автандилом Гогоберидзе, Шота Яманидзе, Михаилом Месхи, Славой Метрели, Гиви Чохели, Зауром Калоевым, Серго

Котрикадзе, Георгием Сичинава, Муртазом Хурцилава, Ревазом Дзодзуашвили, Кахи Асатиани, Гиви Нодия и другими выдающимися футболистами. Поколение середины 1970 – начала 1980-х годов было созвездием блестящих футболистов: Давид Кипиани, Манучар Мачаидзе, Владимир Гуцаев, Виталий Дараселия, Рамаз Шенгелия, Отари Габелия, Шота Хинчагашвили и другие, направляемые строгой рукой главного тренера Нодара Ахалкаци. «Мы жили футболом, – говорит А. Чивадзе, – мы не думали о зарплате и премиях, мы чувствовали любовь миллионов поклонников – не только в Грузии, но и в других республиках бывшего СССР, и во многих странах мира. Мы наслаждались игрой и давали такую возможность любителям и специалистам футбола».

УБИЙЦА

ПОВЕСТЬ

■ **Бека КУРХУЛИ**

Перевод: **Гога ЧКОНИЯ**

Мы все приговорены к одному и тому же – к смерти.

Иосиф Бродский

Все мы убийцы, все – и на той, и на этой стороне,
и ни к чему хорошему это не приведет.

Эрнест Хемингуэй. Острова в океане

Мое проклятье на мече
мне высек гневный Бог –
убил я брата моего,
поднять десницу смог...

Народное

Море было спокойным. Развернутое к горизонту, тихим шуршаньем осторожно касалось оно берега. Огромное перистое облако, как космический корабль, плыло под распростертым над ним синим, глубоким и чужим небом, отражаясь в колеблющейся поверхности моря.

Он плыл по слегка растрепанным волнам. Потом нырнул, открыл глаза и в желтоватой матовой воде увидел белый прерывистый луч солнца, исчезающий в глубине.

Вдруг он почувствовал, как под левую лопатку вонзилось что-то острое и тонкое, как спица. Один раз, два, в третий и в четвертый раз произошло что-то под левым плечом. Сердце остановилось. «Умираю!» – подумал он отрешенно и стал опускаться на предательски побелевшее дно, как пронзенная гарпуном большая белая акула.

Он попытался выбраться, но нет, никак... «Умираю!» – подумал он. И вдруг запаниковал. Не смог двинуть рукой и... «Я умер, мать вашу... Умер!..» Он попробовал тряхнуть всем те-

лом, шевельнул плечами и... Огнем пробежала по всему телу нестерпимая боль. Нет, боли он никогда не боялся. Но умирать, конечно, очень не хотелось. Тем более в этом молочном свернувшемся предательском море, воткнувшем ему в спину, под левую лопатку, раскаленную спицу. «А не пошли бы вы на...», – обложил он боль, странно-белое море, свое проткнутое сердце и снова сделал попытку двинуться. Что-то стало получаться, и вот он уже заработал ногами. Где-то наверху было видно небо. Где-то там, далеко, но оно было. Оно точно было там.

Он всплывал медленно, потом быстрее и вот, наконец, вылетел из моря почти по грудь, потрянул головой и сразу нашел обезумевшими от страха глазами большое, желтое, горячее солнце.

Он плыл к берегу. Плыл по белому свернувшемуся морю и не чувствовал сердца.

Берег был черен и никого не ждал.

Недалеко от Зугдиди, в бывшем Доме культуры села Ахалкахати, на втором этаже продолговатого безликого здания, на сидении, когда-то украшавшем микроавтобус «форд», сидел двухметровый партизан из Набакеви Гия Эзугбайя по прозвищу «Пшавети». Сидел и слушал непрерывное жужжание жены, пытаясь при этом уберечь лицо от жара раскаленной железной печки.

На длинном столе жена Гии Эзугбайя месила тесто в эмалированном тазу и тут же пекла мчади на чугунной сковородке. Шлепки по тесту словно задавали ритм ссоре.

– Да падут на тебя мои грехи так, как и ты лишил меня радости, сделал несчастной и меня, и моих детей, дурак ты, сумасшедший! Если так ты хотел жить – не заводил бы семью, не взваливал бы вину за меня и моих детей... Чего ты хотел, несчастный, а?.. Ми даницвенс си сацкали, мире скан миндже да мардиели, амар си до скани сакортуо, кингехварас асе!* (*Кто защитит тебя, ненормального! Вот ты и вот твоя Грузия! Что ж не поможет тебе родина? – мегрел.) Последнюю лепешку пеку, вот, посмотри на мои руки, последнее тесто соскребаю с пальцев... Абхазов врагами сделал, русских врагами сделал – все тебя убить хотят. Вся семья ночует за тремя засовами, каждого шороха боимся; обольет кто-нибудь керосином, даст огня, спалит нас к чертям собачьим... И разве это жизнь?! Всего полтора километра отсюда до Ингури, через две минуты здесь русский окажется – если что... Мис окоду скани оми, до мис муд арки?* (*Ну и зачем ты воевал, кому была нужна твоя война, чего ты добился? – мегрел.)

Гию Эзугбайя не потому прозвали «Пшавети», что он был одним из наиболее опасных среди грузинских партизан и много крови попил и русским, и абхазам. А больше потому, что, подобно восточно-грузинским горцам, был остер на язык и неприлично часто для мегрела использовал мат.

Но сейчас он сидел тихо,

вертел в руках дровеняку и делал вид, что его не слишком волнует женская болтовня.

– Сидел бы себе тихо, мог бы теперь перейти в Набакеви, собрал бы немного орехов, немного мандаринов. И тем бы отдал, и себе бы на жизнь оставил. Все гальцы ходят уже в Абхазети, никто их не трогает. Работают люди, свои две копейки имеют. Вон у Кишмария даже скотина появилась.

– Хо, тинибкало монебо кигудиртук холоти набозребс!* (*Ага, как они, рабами у этих ублюдков буду! – мегрел.) – Гия кинул дровеняку в печь и с грохотом закрыл дверку.

– Никакие они не рабы. Конечно, только ты один тут! Это не по тебе. Партизан вокерия до буткаш нисиаш шишит кучаша вегмарте* (*Я, мол, партизан, а сам всем ларькам должен и на улицу выйти боится – мегрел.) Весь Гальский район возвращается, и что, все рабы? В свои дворы возвращаются люди, к очагам, дома строят, жизнь опять налаживают. Никто их не трогает – ни русские, ни абхазы. Ходят свободно. А ты сиди тут...

– Нина гачер осур до мурк рагадис гисхундас!* (*Прикуси язык и кончай болтать, совет тебе даю! – мегрел.) – отрезал Гия.

– Ох, тоже мне Цотнэ Дадани... Кто же тебя вернет, несчастный, если б ты даже хотел. В крови ты по горло, столько греха на тебе. А знаешь, что с детей твоих спросится, а?..

– Заканчивай эти разговоры, сказал я тебе!

– Что заканчивай, что заканчивай? И меня убей заодно, и все! Не боюсь я больше ничего, это... это невыносимо, я с ума схожу! Для всех эта проклятая война кончилась, скани да скани морфинист до качах джимакочебиш гарда* (*кроме тебя и твоих друзей, морфинистов и бандитов – мегрел.). И Абхазети, и Самегрело за тобой гоняются. Никогда, никогда не вернешься ты домой!

– Чего ты хочешь, женщина?

– Я с утра тебе говорю, чего хочу, но разве ты слышишь? Тебе лишь бы все по-твоему,

больше ничего не интересует! А что получается, когда по-твоему, сам видишь!

– Пеки этот твой мчади и молчи! Не лезь в то, чего не понимаешь!

– А четырех детей тебе рожать – понимаю? Старшему 22 уже, хоть это ты помнишь? Что он видел, кроме войны и несчастья? Учиться им надо? Дом им нужен? Семью создать? Какая учеба, какой дом, голые и босые, голодные ходят твои дети... Воин он, видите ли... С кем воюешь, кроме себя самого?

Гия достал из-под печки деревянный брусок, посмотрел на него, повертел в руках и бросил обратно. Потом раскурил «Астру» и глубоко затянулся.

– Тебе что, живешь как хочешь, это мне надо горько плакать в твоих руках. И чего я за тобой увязалась? Отец так убивался, не выходи, говорил, за него...

– Как же, убивался...

– Он, может, и не убивался, а я точно себя убью, если не смогу пойти на панихиду своего двоюродного брата. Ты уж похорони меня заживо, и все тут. Не даешь оплакать мою плоть и кровь, Гия Эзугбая, чтоб тебя самого некому было оплакивать!..

– Что ты меня вместе с ним хоронишь, женщина? Мама моя!

– Си мин дингоунуанс до му рвилунс си очокочи со!* (*Никто тебя не хоронит и ничто тебя не убьет, черт ты несчастный! – мегрел.)

– Ну, простите меня, что не умер! Что мне делать теперь?..

Очень стыдно ему было перед женой. Знал, что права, и поэтому особо не возражал. Умер сын родного дяди жены, который жил на той же улице, через несколько домов, а она не могла пойти на панихиду, потому что не имела приличных туфель. В единственных, красных с синей полосой тапочках, идти было никак нельзя. Гия отчаянно и безрезультатно ломал себе голову над тем, как достать обувь. Так ничего и не придумал.

Гия Эзугбая включился в эту войну поздно. Главные со-

бытия происходили достаточно далеко от Гали – на реке Гумиста, в Сухуми. Поначалу он даже не воспринимал их как нечто, касающееся его лично. У тбилисцев были какие-то разборки с абхазами, и это было, в общем, их дело, их проблемы. Тем более что Эзугбая, как и многие мегрелы, не жаловал соединения Государственного совета, особенно после того, что случилось там же, по соседству, в районах Зугдиди и Цаленджиха. Нашедшие убежище в Гали, в Абхазети, верные Звиаду Гамсахурдиа военные рассказывали легенды о зверствах «путчистов» и «хунты» тбилисского Военного Совета. Да и рассказывать было не обязательно. Всего несколько километров отделяло его родной дом в Набакеви от реки Ингури. Им хорошо были слышны оглушительные звуки стрельбы с противоположного берега и хорошо видны языки пламени, взметающиеся в небо. Так что, когда тбилисцы после Самегрело вошли и в Абхазети, Гия особо не удивился и не опечалился. Он не считал за «своих» ни правительственные войска, ни, тем более, абхазов. И противостояние с ними летом 1989 года Эзугбая прекрасно помнил. Тогда и он вместе с другими ребятами из Гали пришел с двустволкой к речке Гализга – после того, как абхазы во время вступительных экзаменов напали на Сухумский грузинский университет, выкинули на улицу портреты грузинских писателей и убили Вову Векуа и еще нескольких сухумцев.

Потом все как будто успокоилось. С абхазами он, скорее, дружил – лично ему с ними делить было нечего. С декабря 1991-го, с начала гражданской войны, эхо тбилисских событий достигло и Абхазети. Абхазы вроде в эти дела не лезли, максимально старались сохранять нейтралитет, но война все-таки началась. В августе 92-го, Гие Эзугбая к этому времени было 48, он многое повидал и не доверял никому. В этой огненной неразберихе он вместе со старшим братом и двоюродными братьями старался защитить дома, под-

ворья, мандариновые сады и ореховые плантации, и это им, то хитростью, то силой, кое-как удавалось. Больше ни во что вмешиваться не хотелось.

В первый раз сердце екнуло, когда в середине марта 1993-го русские, армяне, абхазы и северокавказцы прорвались на окраину Сухуми на реке Гумиста, и авиация (естественно, русская – другой в радиусе сотен километров не было и не могло быть) несколько раз бомбила город. Из Сухуми двинулись первые потоки беженцев. Да и в Гали те, кто предусмотрительней, стали собирать чемоданы. Хотя в тот раз грузины отстояли город и даже перешли было в контрнаступление, но по непонятным причинам Шеварднадзе остановил штурм. Впрочем, это другая история...

А братья Эзугбайя вскоре после этого вступили в войну. Случилось это так.

Дато Шервашидзе, друг детства и одноклассник Ги Эзугбайя, приехал из Риги на похороны своего старого друга Фридон Маршания. Фридон Маршания вращался среди «мхедрионцев» и воевал с первого дня. Его убили во время операции по расчистке дороги Сухуми-Очамчире. Дато и Фридон и в остальных делах были заодно. Гия Эзугбайя был крестьянином – со своими мандаринами, орехами и скотом. А Маршания с Шервашидзе с детства знали с блатными – Москва, Ростов, бродяги, наркота и т.д. Потом Дато с семьей осел в Риге, занялся делом и довольно долго, даже после того, как началась война, не оглядывался на родину. А теперь прилетел из Риги на похороны друга. Еле добрался из Тбилиси до Илори, где в большом двухэтажном доме Маршания лежал изрешеченный пулями Фридон и не слышал истошных женских криков, взрывающихся к небу.

Эзугбайя приехали в Илори на двух машинах. В то время передвигаться на машине было очень опасно. По пути их трижды останавливали, но, узнав, куда они едут, отпускали с миром.

Мужчины, стоящие во дворе

дома, сдержанно приветствовали Ги Эзугбайя и его брата. Иной была встреча Ги и Дато. Они долго стояли, обнявшись. Потом, утирая слезы, Гия смотрел в отрешенное лицо друга.

– Дато, братишка, как ты, брат? Где и как встретились, в горький час!.. Горе нам, братишка... Из-за чего такого парня угробили!..

– Мать их!.. Суки!.. Кровью у меня харкать будут!..

– Что делать, Дато, брат! Что тут сделаешь?.. Сволочи все – и там, и тут...

– Убили моего Фридона Маршания, суки! Ни за что убили!.. Говорил ему, куда ты, не надо, не вмешивайся... И те, и эти, все против нас, говорил, придут эти шакалы-политики, поссорят, заставят перебить друг друга, сами уйдут, а мы... Врагами станем из-за этих гадов ползучих! Но кто мне поверил? Объяснишь ему что-нибудь? Нет, говорит, мы братья... А абхазы кто? И те нам родня, и эти... Как это?

Гия и Дато давно не виделись и, как это обычно бывает, во время панихид не отходили друг от друга. Пили. Дато тихо плакал – из-под темных очков то и дело скатывалась слеза, расспрашивал Ги о здешних делах, потом забывался и не слушал мегрельскую ругань Ги...

– Дети как? Жена? – спросил Дато, когда ночью они сидели у гроба, а старший племянник Ги читал над покойником 90-й псалом.

– Жена? Не знаю, терпит нас...

– Двое мальчиков и девочка, да?

– Да, двое. И девочек тоже две. Обоих мальчиков назвал в твою честь – Дато.

– Постой, как это?! Обоих братьев назвал одним и тем же именем?!

– Одного зову Дато, второго – Дата.

– Ну ты даешь! – Шервашидзе впервые за все это время улыбнулся.

На второй день после похорон Дато Шервашидзе пришел к Ги Эзугбайя – принес подарки своим тезкам. Семья Эзугбайя накрыла стол в честь гостя. Во время застолья Да-

вид молчал, пару раз даже чуть не задремал. Но это молчание все-таки что-то предвещало. Начал опять Гия.

– Когда обратно возвращаешься, Дато? Надо бы проводить тебя. Время теперь плохое, опасное, обязательно нужно проводить.

С улицы глухо, но почти непрерывно стреляли.

Дато выпил 45-градусной чачи из большого «гелатского» стакана, протрезвел и сказал:

– Никуда я не поеду!

Старший брат Ги все понял и молча кивнул.

– Постой, ты что? Что ты потерял в этом аду? Не своди меня с ума! Или ты сам спятил? Покойный Фридон не слушал меня и лежит в земле, упокой господи его душу. Не видишь, что творится в этой стране? Что ты тут забыл? Было бы мне куда сбежать, я бы и сам...

– Фридон кому оставить? Тебя на кого оставить? И что мне делать в Риге? Гулять? Кайфовать? Брата в земле оставить и смыться? От кого бежать, Гия? От этих крыс и сук? Как бежать? А вас как оставить, кому? И что ты потом скажешь, Гия? Хороший парень Шервашидзе, молодец, правильно поступает – так скажешь? А? Первый ведь ругать будешь!

– Не буду ругать! Только уезжай. Пусть тебе будет там хорошо. Вот, клянусь четвермя моими детьми, и не пикну! Братом, вот, старшим клянусь!..

– Ну конечно, ты так не делаешь, кто же поверит, что ты ругаться умеешь... Короче, я остаюсь, это решено. Мой отъезд сейчас будет бегством. А я никогда не бегал, и ты это знаешь!

– А жена, дети? С ними что? В Риге оставишь или как?

– Ничего с ними не случится! А твои здесь как? Или твои дети – не дети, семья – не семья? Если твои выносят этот ад, то и мои как-нибудь проживут в Риге!..

Гия с безнадежной тревогой смотрел на друга.

– Ладно, все это понятно, а теперь-то что делать, Дато?

– Я говорил с братьями Фри-

дона в «Мхедриони». Остаюсь, говорю... Они обещали по-мочь.

– Нехорошо это, не нравится мне... С «Мхедриони» будем? Не поймут нас. Люди не поймут, Дато, народ...

– Какой еще народ! Каков народ, таков у него и «Мхедриони». Чего тебе надо от «Мхедриони», чего ты ждешь от них? Тот же народ и идет в «Мхедриони», а ты как думаешь? Что, с неба они, что ли, свалились? Люди их сами привели, а потом наперегонки бегали, кто раньше наябедничает, у кого сколько денег, кто кому должен, у кого зуб на кого... Точно знаю!.. Пфуу, засранцы!

– Такого дерьма я, может, побольше твоего знаю, но все равно не пойду к ним. Не нравятся они мне!

– Ради бога, не хочешь – не будем с ними. Они нам только с оружием помогут. Будем сами по себе. А назовемся – Гальский батальон... Или еще как-то. Какая разница?

– Никакой, – согласился Гия и задумался.

– Оружие есть?

– Да. Как тут без оружия... – сказал Эзугбайя, стараясь не встречаться взглядом с побледневшей женой – она стояла, прислонившись к стенному шкафу, зажав себе рот рукой.

– Завтра в 10 часов соберемся в Гали. Там тоже есть оружие. Проблемы с оружием не будет. Придете вы или не придете – об этом я сейчас говорить не хочу. Все равно вы мои братья до смерти...

Брат Гии Эзугбайя молчал. Он уже все для себя решил.

– Отвали... – осевшим голосом откликнулся Гия.

– Ладно, пошел я. Спасибо большое за все. У хозяек прощенья прошу, побеспокоили мы вас очень... С богом!

У калитки друзья еще раз обнялись.

– Тенефиш дида... муцо киноминджируес чкими Фридона машания уча дихаша ту бозеб дида ... арлдоши* (*Мать их, как моего Фридона уложили в черную землю эти ублюдки, а?! Мать их всех! – мегрел.) – сказал отрешенно Дато, сел в машину, и еще долго в кро-

мешной тьме подпрыгивали огни желтых фар его внедорожника.

Назавтра в десять утра собрались в Гали. Дато пришел в 11. Еле разлепил глаза.

И началось.

Бои в основном шли в Очамчире – Кочара, Цагера, Лабра, Тамыш. В первом бою у Кочара Гия Эзугбайя головы не мог поднять – растерялся в грохоте и гвалте. «Выжить бы сейчас, господи, и больше сюда ни ногой», – думал он, уткнувшись лицом в землю. Прибежал старший брат: «Что с тобой, ранен?» – «Нет», – только и сумел промычать Гия. – «Тогда стреляй, стыдно!» – тихо сказал брат и, согнувшись, побежал на свое место, к полуобрушенной серой стене коровника, и тут бодро и делово заработал его автомат. Гия смотрел на красно-желтый свет, изрыгаемый «калашниковым». Лицо брата было спокойным, он стрелял короткими очередями, прицельно. «Молодец братишка, всегда был молодцом! Ау-у-у, как страшно! Когда это все закончится? Стемнело бы хоть! Дато Шервашидзе, куда ты меня завел, зачем я в это влез, кто меня просил? Ужас какой! Боже, спаси меня сейчас, и ноги моей больше не будет здесь... Вот опять! Какое мое дело война и стрельба, что я, генерал, что ли? Чего я вмешиваюсь в эту бойню? Стемнело бы хоть!»

Гия поднял автомат над головой и нажал на курок. Звук автомата оглушил, горячий, звонкий ручей гильз лился ему на руки, волосы... «Когда это все кончится? Стемнело бы хоть!» – стучало в висках. А солнце светило изо всех сил, и этот день до темноты забрал еще много жизней.

Вечером, когда все собрались вместе, Гие было очень стыдно. Особенно стыдно ему было перед молодыми тбилискими ребятами, которые как ни в чем ни бывало смеялись, выясняя у местных, где можно раздобыть травку, и вообще каково оно, местное курево.

– Когда человек моего возраста оставит мотыгу и возьмет в руки автомат, ничего хорошего из этого не выйдет,

– сказал он громко.

– Это ничего, уважаемый, – тбилисцы примирительно и слегка иронично улыбались.

– В первый раз и я чуть не обоссался. В первый раз всегда так... – сказал самый молодой из них, не старше Гииного племянника, безусый юнец.

«Ну вот, только защиты и покровительства этого молодкососа мне и не хватало... Нет, надо держаться, а то и впрямь засмеют, сукины дети», – подумал Гия, а вслух сказал:

– Как покончим с этой напастью, хорошая травка за мной, травка из деревни Отобайя.

– Хороша? – заблестели глаза у юнца.

Старший Эзугбайя, по обыкновению молча и задумчиво, сидел под деревом. Услышав сказанное Гией, недовольно качнул головой.

– Знай, Дато, это чересчур, нехорошо это, не нужно... – сказал он, обращаясь к Шервашидзе.

Давид, весь в поту, молча сидел на чьем-то рюкзаке и еле переводил дух.

«Весь день бегом бегал за пулями, сумасшедший, – подумал Гия. – От человека все зависит. И брат, и Дато тоже в первый раз были в бою, но держались-то здорово».

– Фридон всем нам был братом, все мы его любили, но... Все с умом нужно делать, осторожно. Дела одним только сердцем не сделаешь. Только сердцем – вот оно, что получается... – сказал старший Эзугбайя.

– Не надо ему было влезать в это сволочное дело. Где-то там, в кабинетах, гады начинают, а потом хорошие парни с обеих сторон гибнут. Там, наверху, с теми ничего не случится. Что им наша смерть! Может, пригодится даже... Не надо было ему влезать! Был бы я тут, может, помешал бы, а теперь что?.. Лежит в земле мертвым... Поздно теперь, – сказал Дато каким-то чужим голосом. Потом сунул руку в нагрудный карман и, достав вчетверо сложенную серебряную сигаретную фольгу, повернулся к тбилисцам.

– Эй! Вот оно, здесь! Только осторожно, по одной затяжке,

не перестарайтесь...

Младший, явно сдерживаясь, медленно подошел и взял.

– Спасибо! А вы?

– Не курю я этого...

– Донес бы свой голос, Дато, туда, на ту сторону. Есть ведь у тебя там честные, рассудительные абхазы. Да и покончили с этим негодным делом...

Дато Шервашидзе достал пачку сигарет. Закурил.

– Просто так это уже не кончится, – сказал, немного погодя. – Славика Капши уже убили. Заступился он за одного грузинского священника. Казаки надели на того покрывало и подожгли. Что вы, говорит, творите, сволочи. Без оружия заступился. Собой прикрывал. Ну и сожгли его вместе с попом. Наши – абхазы – сказали, что найдут этих подонков. Да как найдут, коли у тех ни дома, ни адреса, ни совести, ни нации?! А Бесо Агрба на той стороне воюет – грузины его двоюродного брата в танке сожгли на Гумисте. У Димы Аргуна дядю убили в Гагре, родного брата матери, и он против нас. Наш Мебония сухумский, Таташ Чхотуа и Дато Гердзамава с самого начала уехали, чтобы не вмешиваться. В России они, в Москве. Звонили мне несколько раз, в Ригу ко мне приехать хотели. Еще есть люди, да не им решать... Вегнамчвидена, вара мус гиночквидуна, вара ми учкиде тинефиш нарагадус, те беспределшчик дида... * (*Что им решать, да и кто их слушать будет, беспредельщиков, мать их...) Нет, тут все давно решено и распродано....

Гия Эзугбайя молча слушал их разговор. Холод растекался по всему его телу, а он изо всей силы сжимал автомат, стараясь не обращать внимания на липкий, леденящий страх у самого сердца.

– Как там наши дома, а? – тихо спросил он старшего брата.

Брат пожал плечами и отвернулся.

На второй день рано утром Гия Эзугбайя снова завел вчерашнее.

– Интересно, как там наши дома, а, братишка? Как они там, что делают? Волнуются,

наверное, очень.

– Надоел ты со своим домом! Откуда я знаю, что там творится?!

– Чего ты кричишь?! Хох! Кто этот сердитый человек?!

Невдалеке раздались звуки перестрелки. Они быстро приближались.

Противник атаковал деревню. Бойцы разбежались кто куда, рассредоточились, чтобы занять тактически более выгодную позицию. Только Дато Шервашидзе неспеша шел по середине улицы и лениво отстреливался.

Гия Эзугбайя вместе с батумцем Шукри Диасамидзе вбежали в первый попавшийся двор и укрылись за углом брошенного дома с разбитыми окнами. Шукри примостился за кухней, стоящей отдельно.

– Моих нигде не видел? – громко, перекрывая шум выстрелов, спросил его бледный от волнения Гия, оглядываясь и ища глазами брата и Дато.

Вопрос потонул в грохоте автомата Шукри.

Диасамидзе стрелял спокойно, короткими очередями. Гия бил одиночными в дальний конец двора. И тут Шукри прошило автоматной очередью. Он вскрикнул и упал. Гия сразу подбежал, присел рядом. Он остолбенело смотрел на подрагивающее лицо Шукри и розовые пузыри вокруг губ – одна пуля, видимо, попала в легкое.

Гия впервые видел умирающего от пули человека и не верил своим глазам – уже мертвый Шукри Диасамидзе все еще тянул на себя ремень автомата, сжимал и разжимал пальцы правой руки...

И вдруг словно отлегло от сердца. В голове прояснилось. Гия встал, стараясь не попасть ногой в быстро увеличивающуюся лужу крови, выпрямился, плотно прижал приклад автомата к плечу и пустил длинную очередь в дальний конец двора. Не меняя положения, он быстро сменил рожок и продолжил стрелять. Слева и справа раздавался характерный свист пуль, который еще вчера леденил кровь в его жилах. Но сейчас он на него не действовал. Не действовал, и все тут. Он не опускал головы,

не обращая внимания на разорвавшуюся рядом гранату, на посыпавшиеся на него комья земли, на все учащающийся свист пуль.

У двора со стороны калитки послышался визг тормозов. Выпрыгнувшие из «виллиса» ребята оттащили окровавленного Диасамидзе к улице и осторожно уложили у дороги.

– Нет смысла, умер, – слышалось сзади.

– Свяжись с санчастью, пусть бортовой газик пришлют!

Вскоре во двор забежали и другие, среди них – Дато Шервашидзе и брат Гии. Они залегли кто за кухней, кто за деревьями. Дато все рвался в атаку, то и дело выскакивая из-за укрытия. Гия с братом, страшным криком и отборным мегрельским матом, пытались его удержать, но было уже поздно. Шервашидзе упал. Повезло, попало в бок.

Оба Эзугбайя кинулись к нему.

– Что он делает, что делает, посмотри! Нет, ты ненормальный, это точно! Чтоб меня...

– Тащи его к машине! Что он делает, стервец! Нет, у него не все дома!

– Пустите меня, ничего со мной... Вот, в мякоть попало, царапина...

– Замолчи, несчастный, а то своими руками убью! В мякоть ему попало!

Дато Шервашидзе силой запихнули на заднее сидение «виллиса».

– Уведите его, ради бога! Ширнетса с утра, не чувствует в кайфе ничего, море по колено! А ты нервничай тут, с ума сходи!

Вечером пропахший дымом, грязью и порохом Гия сидел под деревом, курил одну сигарету за другой. Он вспоминал кровь батумца Шукри Диасамидзе и розовые пузыри у его губ. Не его самого – они познакомились только вчера вечером, скоро уснули, а утром прямо в бой, двух слов друг другу не успели сказать. Широкая, как море, темно-бордовая лужа крови под телом Шукри Диасамидзе не шла у него из головы. И его не оставляло ощущение, что это его кровь.

Потом Гия Эзугбайя привык. Привык. Привык к стрельбе, но с трудом привыкал к другому. Первую неделю никак не мог притронуться к еде. Ничего не ел и голода не чувствовал. Наоборот, ему становилось физически плохо, когда он видел, как товарищи уплетают в конце дня тушенку, сгущенку, а то и не кстати заблудившегося поросенка, да еще в недожаренном виде. Как они могут есть среди мертвецов, гари, огня и грязи!?

Но вскоре и он, незаметно для себя, так же ел со штыка «калашникова» покрытое желтым застывшим жиром тушеное мясо из жестяной банки.

Вечером того дня, когда ранили Дато Шервашидзе, братья сидели, оперевшись спинами о каменный забор. Молча курили и думали о нем. Казалось, Дато искал смерти, метался туда-сюда, старался всех прикрыть, последним выходил из боя, а после лежал, забившись в какой-нибудь угол и дрожал всем телом. Потом принимал дозу и засыпал.

Теперь, когда он находился уже вне опасности, в очамчирском госпитале, Гия Эзугбайя, сидя рядом с братом, голодный, но спокойный и отрешенный, чувствовал себя опустошенным и свободным.

Джимаия* (**братишка – мегрел.*) и раньше не был слишком разговорчив, а на войне стал совсем молчуном, почти немым. Но воевал хорошо. Хорошо, зло, умно и... молча.

Гия все порывался поговорить о доме, но брат не велся на тему, а раз даже накричал на него в сердцах.

Вот и сейчас младший снова хотел заговорить о доме, но, взглянув на пасмурное выражение лица старшего брата, передумал. «И не поговоришь с ним по-человечески! Бирюк!»

Гие захотелось выпить. Своей сорокопятиградусной чачи.

– Джимаия, гешунд арт гелатис чика откас кочи, а? Мусткуанки си?* (**Братишка, выпить бы сейчас по гелатскому стакану водки, а? Что скажешь? – мегрел.*)

– У, ваткуа, джима, очхонунд кочи!* (**И не говори, брат, милость была бы господня!*

– мегрел.) – похлопал джима по плечу Гию и улыбнулся. – Осуршенц ваткуанд ду кочи вариас.* (**И от женщины бы не отказался – мегрел.*)

– А помнишь, джимаия, в Гали на свадьбе Хонелидзе... Помнишь, зугдидцы напились и...

– Помню, помню! Вставай, спать пошли, а то рано утром опять драться! – перебил старший, поднимаясь.

Через две недели, 2 июля, к Тамыши подошли русские военные корабли и высадили десант. «Летучие Мыши» – самая элитарная и засекреченная часть спецназначения. Они прорвали первый рубеж нашей обороны и перекрыли дорогу Сухуми-Очамчире. Село Тамыш было покрыто телами погибших грузинских солдат. Тяжело пришлось. Десанту поначалу противостояли главным образом «Мхедриони», местные очамчирские ребята и добровольцы. Тогда впервые в войну с грузинской стороны официально вступила гвардия сторонников Звиада Гамсахурдиа. Они неожиданно прорвались на танках вдоль берега и отрезали десанту путь к отступлению. Вчерашние враги – «мхедрионцы» и гвардейцы президента Гамсахурдия – объединившись, повернули вспять почти проигранное сражение. Гвардейцы – с моря, со стороны Тамыша – очамчирцы, мхедрионцы и добровольцы из Кахетии, взяли десант в кольцо. Начался ближний бой. Противники слышали голоса друг друга. Ни абхазов, ни северокавказцев среди них не было.

О «Летучих мышах», как и обо всех секретных подразделениях, ходили легенды. Но грузины, окрыленные взаимной поддержкой, вскоре увидели, что страшные «Летучие мыши» погибают так же обыкновенно, как казаки, местные армяне из батальона Баграмяна и северокавказские наемники.

Уже через два часа после начала боя с десантом, братья Эзугбайя вместе с другими бойцами из Гали пришли на помощь к отступившим у села Тамыши воинам и сразу попали под адский огонь. К тому

времени русских уже почти окружили, и «Мыши» ожесточенно сопротивлялись, стараясь вырваться из кольца. Они поняли, что попали в капкан, а помощь им секретными планами генштаба, как всегда, предусмотрена не была.

Они находились так близко, что даже сквозь грохот взрывов и треск очередей был слышен отчаянный крик радиста:

– Да окружили, долбят черти почему зря... Не можем назад... Не можем отойти к кораблю, некуда отступить, твою мать!.. Какие-то оборванцы перекрыли отход к морю. Взбесились! Да какие там крестьяне! Мочат нас здесь!.. У них даже танки есть!.. Куда заслали, козлы? Вернись, кишки вам всем на шею намотаю!..

Корабль, стоящий в отдалении на рейде, время от времени палил из пушек и наносил одинаковый урон и своим, и грузинам, перемешавшимся в бою.

Братья Эзугбайя и гальцы пробилась к Тамыши с северо-востока и, выйдя к дорожному указателю с надписью по-русски «Тамыш» (грузинская была замазана белой краской), застряли.

Гия отчаянно отстреливался. К нему вернулись страхи первого боя. «Нет, живыми не выберемся! Разве с русскими совладаешь?!»

Грузины упорно старались войти в деревню, чтобы прийти на помощь группе «Мхедриони», укрепившейся за школой. Те передали по радию, что у них много раненых, и без помощи они погибнут. Фамилий и имен раненых не называли, потому что здесь, с этой стороны, находились брат двоих из них и близкие друзья других. Нельзя!

Зура Бериашвили из ТЭМКА* (**ТЭВЗ, район Тбилиси*) остервенело лупил по противнику из своего ПК. Около школы остались два его друга. С одним он поговорил по радию, с другим не смог – его, мол, здесь нет, он там. «Как это нет? Вы же всегда вместе, а сейчас он не с тобой? И где это, там?»

Пару раз он встал во весь рост с пулеметом наперевес. Но огонь был таким плотным,

что ему пришлось залечь обратно. Потом, улучшив момент, он снова вскочил, стреляя на ходу, перебежал дорогу до ближайшего дома и укрылся за бетонной плитой.

Было понятно, что огнем своего пулемета он пытается обеспечить прикрытие группе, рвущейся к школе, на помощь к своим. Боец все строчил и строчил, с надеждой поглядывая на замешкавшихся товарищей. «Ну! Давай, пошел, пошел, пошел!»

Гия Эзугбайя и Сосо Бжалава приподнялись было, чтобы броситься вперед, но нет... Никак! Зура Беруашвили разочарованно мотнул головой, продолжая стрелять по противнику.

Снова захрипела рация. Среди множества шумов и разных голосов можно было разобрать:

«Марабда! Марабда, я Мтацминда, марабда!.. Мужики, раненых очень много... И убитые есть. Помощь, помощь нужна, скорее!..»

«Кто убит, кто?..»

«Это какой идиот спрашивает? Вам что, имена и фамилии назвать? Контуженные вы там, что ли?»

«Я Гуджа!.. Где Глдани?.. Миндию не слышу, где Миндия?..»

«Здесь я, только не стреляйте по нам!.. Мы слева, не стреляйте по нам, эй!..»

«ТЭМКА!.. Я Зура, где вы, ТЭМКА!..»

Потом грохот, взрывы, треск. И снова голос – какой-то странно-веселый:

«Эээ!.. Считайте, что нас уже нет в живых!.. Ребята, хоть трупы наши вынесите!.. И отомстите за нас!.. Слышите? Не оставьте без оборота, убейте их всех, мать их!.. Мочите их до конца, не оставьте так!..»

«Э-э-й! – орал в рацию перебежавший обратно, обезумевший Зура Беруашвили – держитесь, там!!! А «Пушкина»* (** прозвище на грузинский манер, от «Пушкин»*), где?.. Что с ним?.. Убили?.. Да где, где это там?.. Приду, убью вас всех... Держитесь, я иду, братцы!.. Не слышу!.. Ничего не слышу!.. Не слышу!..»

Зура швырнул рацию, схва-

тил пулемет и побежал, стреляя по улице, ведущей в глубь деревни. Он бежал по самой середине дороги и орал благим матом, поливая очередями все перед собой. Правда, недолго. Минометный снаряд разорвал его пополам...

Гия Эзугбайя бросился к Зуре Беруашвили. Но более быстрые Муртаз Эхвайя и младший Цатава опередили его. Сосо Бжалава, словно окаменев, остался на месте. Пули то отскакивали от асфальта, то, впиваясь, оставались в нем.

«Зура! Зура!» – зачем-то кричал Эхвайя. Подхватив погибшего под мышки, он поволок тело к укрытию и лишь потом сообразил, что тянет только верхнюю часть в пыльной черной майке. Длинные ноги в джинсах и серых кроссовках остались на месте. Цатава заплакал. У Гия Эзугбайя заложило уши. Закинув автомат за плечо, он поднял окровавленный ПК Зуры Беруашвили и побежал к дереву, сваленному на дорогу снарядом с корабля. Присев за ним, Гия просунул пулемет сквозь ветки, глянул в прицел и нажал на курок. В прицеле был виден стоящий на рейде русский корабль. Время от времени от него отделялось белое облачко дыма после очередного залпа. Гия зафиксировал, что несколько раз выстрелил по кораблю бестолково и слегка сместил прицел вниз. «Откуда ты приплыл?.. Зачем?..» – промелькнуло в голове, и в этот самый момент раздался крик:

– Эзугбайя ранили!..

Инстинктивно Гия оглядел себя. И только потом его осенило: «Джима! Вава* (** возглас сожаления и горя – мегрел.*), джимаия!..»

Бросив пулемет в ветвях поваленного дерева, он, сломя голову, помчался к дорожному указателю, где, как помнил, оставил брата. Там, над распростертым на асфальте телом, уже толпились гальцы. Сначала он увидел ботинки. Узнал.

Старший Эзугбайя не был ранен. Он был убит.

Обычно снайперы, наверное, для надежности, стреляют в голову. Но джиме пуля попа-

ла прямо в сердце.

Только через два дня, 5-го июля 1993 года, Гия сумел перевезти тело в родное село Набакеви.

Он стоял, оглушенный криками и плачем женщин, и сам непрерывно плакал. Плакал и сбежавший из Очамчирского военного госпиталя Дато Шервашидзе. Единственное, что он сказал в этот день:

– Это только начало!..

– Я их всех, всех... – сказал Гия Эзугбайя и снова заплакал.

С того самого дня ни Гия, ни Дато уже не выпускали из рук автоматы – ни во время войны, на которой Дато Шервашидзе был ранен еще несколько раз, ни после.

Эзугбайя и Шервашидзе обустроили у Ингури со стороны Зугдиди несколько штабов и оттуда начали прямую охоту на абхазских боевиков, отличившихся особой жестокостью по отношению к грузинскому населению. Да что уж там, при весьма странных обстоятельствах воды Ингури иногда проносили к морю и тела российских «миротворцев».

В ответ абхазы показательно сожгли в селе Набакеви дома Эзугбайя – и старшего брата, и обоих дядей, и даже (по ошибке) дом Ачба. Наконец отдельно и с особым тщанием подожгли дом-оду Гии Эзугбайя. Но тут полил дождь как из ведра и, в отличие от полностью сгоревшего второго этажа, первый остался почти невредимым. Это было слабым утешением, ведь ни у кого из мужчин рода Эзугбайя не было никакой возможности оставаться в Гали. Исключением стал буйвол погибшего старшего брата. Буйвол, которого он с непонятым упорством отказывался забрать с оккупированной территории. «Пусть хоть он здесь останется!» – говорил он и во время каждого рейда с замиранием сердца ждал встречи с буйволом брата. А если Эзугбайя был на рейде не один, а с другими партизанами, то обязательно с нескрываемой гордостью показывал его товарищам: «Э, вон он, буйвол моего джимаия!» А когда он приходил один, с автоматом наперевес, то тихонько сообщал

самому себе: «Э, буйвол моего джимайя еще тут...».

Одичавший буйвол Эзугбайя оставался в Набакеви, а сам Гия с семьей ютился на другом берегу реки Ингури, ставшей фактической границей, в селе Ахалкахати, в здании упраздненного Дома культуры. Он с раннего утра слушал брюзжанье жены и ломал голову над тем, где достать обувь, в которой она могла бы пойти оплакать своего двоюродного брата.

– Пойду-ка я, повидаюсь с кем-нибудь, а нет, так в Зугдиди поеду, может, достану чего... Не оставаться же мне тут тебе на съедение!..

– Ради бога, сиди там, где сидишь! Все равно ничего не достанешь... Будешь зря шататься по деревне... Пьяным опять придешь! Останься, хоть поругаюсь с тобой – все легче!.. Перед глазами, опять же... Хоть вижу тебя.

– Посмотри на нее! – как-то беспомощно сказал Гия. – Что будешь делать с ней, а?... Прямо, хоть в реку с обрыва!..

– Может, опять у Дато попросить?..

– Да стыдно мне уже, сколько можно? Возьмешь у него, не берет обратно... Я, правда, и не даю... Он не возьмет, конечно, но... Хоть раз, для очистки совести, надо предложить. Стыдно!

– Какое там, стыдно! Это он нас всех погубил!

– Ну да, конечно, Шервашидзе во всем виноват! И войну он начал, и вообще... Эх, пойду-ка я от греха, пока ты совсем с ума меня не свела...

– Гия! – неожиданно нежно и ласково начала вдруг жена.

– Чего тебе? – почувствовал неладное Эзугбайя.

– Может, хоть буйвола моего покойного деверя выведешь оттуда? Жалко ведь, или зверь какой съест, или сволочь какая-нибудь зарежет...

Гия Эзугбайя побледнел и сглотнул слюну.

– И что мне с ним потом делать? Ты и это, наверное, знаешь.

– А что делать, Гия? Любишь ты упрячиться и артачиться на пустом месте. Слыхано ли, столько лет скотина без при-

смотра... Одичал он совсем, а ты – ни себе, ни людям. Очень бы нам сейчасгодились эти деньги. Съест ведь его кто-нибудь или продаст... Почему ты вечно придумываешь что-то невообразимое? Ну ответь, почему?

Гия так и стоял вполоборота. И смотрел на жену так, словно видел ее впервые. Странная жестокость отразилась на его лице.

– Один раз ты уже по заикнулась об этом, – начал он тихо. – Чем это кончилось, ты должна помнить... Никто не посмеет ни тронуть его, ни продать! А посмеет, кто бы он ни был – грузин, абхаз или русский, я узнаю, приду и вгоню в него столько пуль, что все эксперты мира сосчитать не смогут. Это раз! А два – не твой это буйвол и не мой, а брата моего, и он должен быть дома, в Гали! Один раз ты сказала, два раза, а в третий не говори, потому, что не отвечу я тебе, а отправлю прямо вслед за твоим двоюродным братом. Скани кучишмадвалариш гуршен вегмофне чким джимаш камечи да ишмет тқан дида да джиш...* (**Ради твоих туфель не продам буйвола моего брата, чтоб и мать, и твою породу... – мегрел.*) Хоть пропадите пропадом и ты, и твои дети, не вздумай повторить это еще раз, в последний раз тебя предупреждаю... Пошел я, пока в самом деле что-нибудь плохое здесь не произошло!

Гия пошел было к двери, но вернулся, взял куртку, потом открыл жестянную дверку печки, прикурил и добавил:

– Пошел я. Или принесу тебе обувь, или готовьте второй гроб рядом с гробом твоего двоюродного брата. Сам приду, мертвый, своими ногами... Когда человек скорбит, он на туфли не смотрит. Босиком пойдет, в конце концов, если и вправду оплакать хочет...

Жена стояла, опустив голову, и тихо плакала. Слезы капали на тесто для мчади, оставляя на нем отметины.

– Как я пойду босиком... – беспомощно и тихо сказала она, и у Гии защемило сердце, в котором окончательно перемешались жалость, гнев и

боль. Он рванул дверь, вышел в коридор, но не сразу смог справиться с закрытой на множество замков железной входной дверью.

– Чего вы закрываетесь на сто дверей и тысячу замков? Как будто, если кому-то надо, трудно кинуть «лимонку» в окно!

Жена подошла к двери, молча открыла все засовы. Гия, как зверь, вырвавшийся из клетки, загрохотал вниз по лестнице.

– Поел бы хоть что-нибудь! Мчади готов почти... Ну, куда ты голодный, Гия? И вчера спать лег не поев...

– Не хочу, спасибо вам большое! Сами ешьте теперь!

– Несчастный ты, несчастный и глупенький, мой родной! Грех на твоих родителях, что уродили тебя таким ненормальным и чудным... И дети куда-то запропастились, не видать никого! – жена Гии вошла в комнату, закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, разрыдалась. Она давно не плакала так безутешно, с самой молодости, но, в этом горе, какой-то странный свет мерцал в ее сердце.

Эзугбайя вылетел на улицу, как бык на арену корриды. Он был в бешенстве. Много времени прошло, пока захмелевший от холодного свежего воздуха Гия привык к свету дня – успел выкурить две «Астры», стараясь оставаться спиной к прохожим. Ему было не до приветствий и досужих разговоров. В голове кроме мата и «в какую пропасть кинуться!» – ничего.

Из-за поворота с веселым смехом показались девочки-подростки. Эзугбайя узнал в одной из них дочь.

– Папа! – радостно позвала она. Младшая, она была любимицей отца, и, если в семье что-нибудь хотели от Гии, то подсылали ее. Он ни в чем не мог ей отказать. Но сейчас был не рад даже ей. «Шляются туда-сюда, хихикают! Барышни уже почти... У, мать вашу!» – и отвел глаза, словно не заметил. И еще больше обозлился. «Нет, нужно подальше отсюда, не оставят меня тут в покое!»

(Продолжение следует)

Праздничная встреча в «Русском клубе». Крайний справа – Д. Якобашвили

«ВОЙНА – СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК...»

■ Борис ШАХНАЗАРОВ

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Через несколько дней 17-летний Давид Якобашвили, только окончивший школу, пришел в военкомат – проситься на фронт. Пареньку отказали – всему, мол, свое время. «Двое твоих братьев уже на фронте, – добавил военком, – а ты потерпи. Подрасти немножко». Призвали Давида осенью, когда ему исполнилось 18. Он воевал под Москвой, участвовал в боях на Наро-Фоминском, Волоколамском, Можайском направлениях, на левом берегу Волги на подступах к Сталинграду, на Кубани, на Кавказе. В сентябре 1943 года был тяжело ранен. Выжил. Должен был получить офицерское звание, но из-за ранения война для Давида Константиновича закончилась, и он – кавалер ордена Отечественной войны I и II степеней, ордена Красной звезды и 25 медалей – так и остался рядовым.

Давид Якобашвили не раз становился героем наших публикаций. Сегодня, в память о солдате Великой Отечественной, героическом защитнике Родины, мы впервые публикуем полный текст одного из его последних интервью.

– Осенью 1941-го меня, как и моих ровесников, вызвали в военкомат.

Нам выдали соответствующие документы для новобранцев. А на следующий день мы погрузились в железнодорожный эшелон – направление было на Москву. На третьи сутки, в полночь, поезд остановился на станции Кашира – поезда тогда так и ходили: только в ночное время и только до Каширы. Нам выдали военное обмундирование, накормили и после небольшой передышки отвезли в Рублево. Здесь опытные инструкторы в сжатые сроки занимались с нами тактической и строевой подготовкой, помогли нам освоить разные виды стрелкового оружия, противотанковые средства.

– Куда вас направили?

– В распоряжение 21-й особой гвардейской дивизии. Я воевал в составе минометного дивизиона. Нашим командиром был Владимир Жуков, родом из Сибири, как и большинство бойцов дивизиона. Строгий, подтянутый, с волевым лицом, фронтовой офицер, чуткий, отзывчивый человек, Владимир Николаевич с первой же встречи внушил к себе уважение. В боях, в которых мне довелось участвовать, он был для нас примером. Мы все любили его. Однажды я спас ему жизнь. Он поворачивался к нам, команду давать,

а немецкий офицер начал стрелять в него, в затылок. Но я опередил его, успел, из автомата. А через три дня Жуков погиб... Наша воинская часть имела особое назначение – нас направляли на самые ответственные участки Западного фронта. Особенно запомнились жаркие бои под Загорском. Это был ключевой пункт, через который двигались главные силы гитлеровцев, подкрепленные авиацией. Масштабные атаки, налеты на Москву, которая в октябре 1942 года была объявлена на осадном положении, велись и днем, и ночью. Нашей задачей было преградить фашистским танкам путь на столицу. От непрерывной стрельбы стволы противотанкового оружия раскалялись докрасна.

– Были в вашем дивизионе земляки?

– Да. Сержант Александр Чопикашвили из Гори, Николоз Гочава и Григол Барбакадзе из Чиатура, Александр Блуашвили из Харагаули... В ночь с 6 на 7 ноября 1941 года в нашу стрелковую дивизию поступил приказ: быть в полной боевой готовности. Нам казалось, что в связи с 24-й годовщиной Октября ожидается контрнаступление наших войск. Но события развернулись иначе. В дивизии были отобраны бойцы в группу, в которую я тоже вошел. Мы добрались до Можайского шоссе. Дальше двинулись на грузовых трехтонках «ЗИС-5». В Филях машины остановились. Пешком дошли до улицы Горького и узнали, что мы, как и другие группы соединений, несмотря на осадное положение и лютой мороз, 7 ноября 1941 года примем участие в военном параде на Красной площади. В тот день перед нами выступил Верховный главнокомандующий Сталин. И мы, пройдя мимо мавзолея, прямо с брусчатки Красной площади отправились на передовые позиции.

– К стати, каким было ваше отношение к Сталину?

– Как к Богу относились. Правда. Это прямо из души шло. И я так относился, и мой отец...

– 15 ноября началось второе генеральное наступление врага на Москву...

– Да. Без сна и отдыха мы отражали атаки гитлеровцев. Один

день выдался для дивизиона особо удачным: нам удалось сбить пять «юнкеров». В те дни я получил свою первую награду – медаль «За отвагу»... А фашисты, несмотря на большие потери, упорно рвались к Москве. И все же было очевидным, что их новое наступление выдыхается. В начале декабря неприятель был остановлен. Оборонительный этап битвы за Москву закончился, и советские войска перешли в контрнаступление. Силами Западного фронта, в состав которого входила и наша 21-я стрелковая дивизия, разгромили ударные группировки врага. Для нас это были незабываемые, радостные минуты. Геббельсовская пропаганда, вещавшая на весь мир, что через несколько дней Москва будет взята, оказалась блефом. Миф о непобедимости фашистской армии был развеян. После контрнаступления я видел, как по дорогам Подмоскovie потянулись колонны пленных фашистов. Обмороженные, замерзшие – зима тогда была особенно суровой – они представляли жалкое зрелище. Кто повязал поверх шапки женский платок, кто обернул прохудившиеся сапоги попавшим под руку тряпьем – так выглядели эти претенденты на мировое господство... Никогда не изгладятся из моей памяти те места, по которым прошла война – всюду были видны следы разрушений, зверства, варварского уничтожения памятников культуры. В Клину немцы разорили дом-музей Чайковского. В Ясной Поляне разграбили музей и осквернили могилу Толстого.

– А как вы лично относились к немцам?

– Ужасно. А как иначе? Помню, в Краснодаре, на берегу Кубани, мы откопали 22 ребенка – фашисты их заживо похоронили. Только двое выжили. Из туберкулезной больницы были детишки. А немецкие душегубки? Грузовики с огромными кузовами – не поймешь, как их открыть. Мы как-то обнаружили такую душегубку, она где-то застряла. Специалисты ее открыли – а там шесть человек, мертвых, черных-черных... На Кавказе немцы использовали лошадей. И однажды разорвалась мина и подбила лошади передние ноги. Лошадь лежит, подходит немец

и давай ей в нос штыком тыкать. Она, бедная, дергается, мучается, а он хохочет... До сих пор не могу себе простить, что не выстрелил в него. Очень хотелось. Но не смог, не смог. Все-таки – жизнь человека... Как-то нам приказали расстрелять пленных немцев. Я не стрелял...

– Каким был ваш дальнейший фронтовой путь?

– После разгрома фашистских войск под Москвой наш дивизион передислоцировали на Сталинградский фронт. На левом берегу Волги совместно с моряками Волжской флотилии мы охраняли мост. Все атаки врага продвинулись к мосту и доставить своим войскам подкрепление были отбиты. После победы под Сталинградом нас перебросили на Кавказ. Многие бойцы дивизиона, в основном, москвичи, которых я знал еще по боям под Волоколамском, пали там смертью храбрых. Отличные были ребята. Память о них я храню в своем сердце – о командире Владимире Жукове, погибшем на моих глазах при освобождении Минеральных вод, о моих братьях Трифоне и Василии... Сам я получил тяжелое ранение под Ростовом. Войну закончил гвардии рядовым. К званию-то меня представили. Но потом были ранение, госпиталь. Комиссовали по второй группе инвалидности, а о звании позабыли. Так и остался без офицерских погон.

– Чем занимались в послевоенные годы?

– Окончил исторический факультет Тбилисского университета, преподавал военное дело, работал на ответственных партийных и государственных должностях. Получил награды за работу в мирное время – орден Вахтанга Горгасали, орден Чести, дважды орден «Знак Почета».

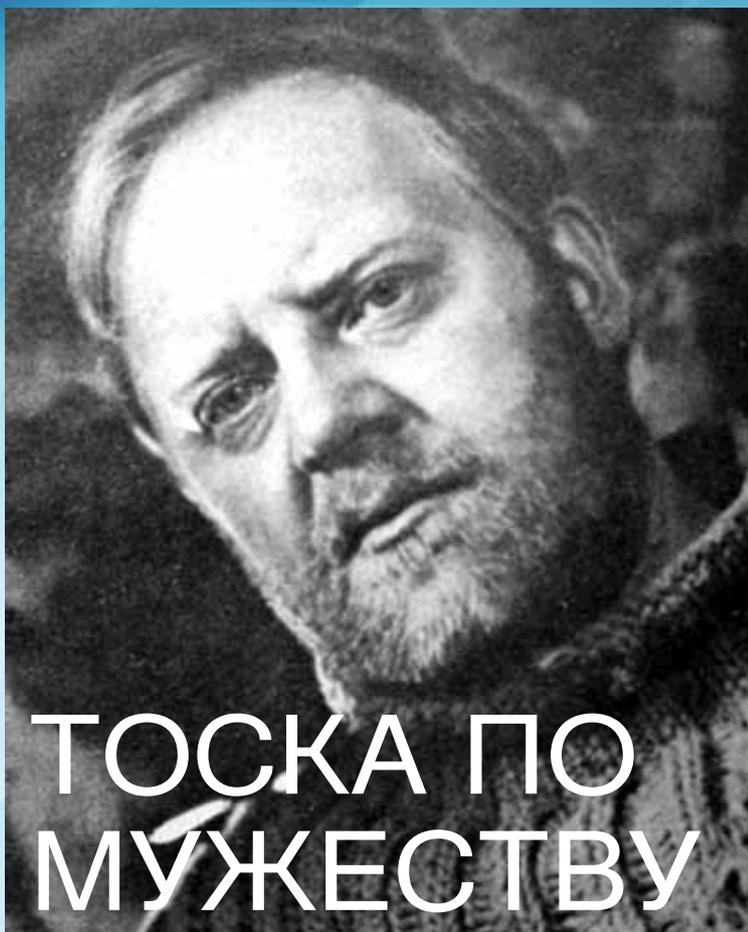
– Вы вели огромную работу в Тбилисском городском совете ветеранов войны и вооруженных сил.

– Да, это так. Мы помогали ветеранам. У многих были проблемы со здоровьем. Немало было и совсем одиноких людей. Старались как могли...

– Вас часто приглашали на юбилейные торжества в Москву?

– Пять раз. Например, в 2006

году я принял участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 65-летию битвы под Москвой. Вместе со мной на торжества в столицу отправился участник битвы под Москвой Захарий Джохаридзе. Кстати, хочу вам рассказать вот о чем. В Москве нам подарили памятный комплект – папку с ксерокопиями семи исторических номеров газеты «Вечерняя Москва», в которых отражены основные этапы Великой Отечественной войны. Первая веха – текст выступления Верховного Главнокомандующего Сталина по радио, оперативные сводки с фронтов, другие военные материалы. Интересно, что даже в те суровые дни культурная жизнь Москвы была насыщенной и разнообразной, и это нашло отражение на страницах газеты. Читателей «Вечерней Москвы» информируют о том, что 4 июля в парке ЦДКА будет показана музыкальная комедия «Кето и Котэ», спектакль гастролировавшего в Москве Свердловского театра музыкальной комедии. Сообщается о предстоящих концертах в эстрадном театре «Эрмитаж» с участием Вадима Козина, о выступлениях джаз-оркестра под управлением Леонида Утесова. Анонсируются художественные фильмы «Фронтовые подруги», «Цирк», «Красные дьяволята» «Пэпо»... А в номере от 8 ноября 1941 года, где опубликован отчет о параде на Красной площади, газета сообщила о премьере комедии режиссера Ивана Пырьева «Свинарка и пастух». Почти во всех номерах публиковалась разнообразная информация о жизни союзных республик. В номере от 27 января 1942 года, который сообщает о полном освобождении районов Московской области от захватчиков, рассказывается о новых работах Тбилисской киностудии – картинах «Форпост» Котэ Микаберидзе и «В сторожевой будке» Диомиде Антадзе и Сандро Джалиашвили, и о том, что на студии идет работа над фильмом «В черных горах» Николая Шенгелая... Думаю, все это укрепляло уверенность в том, что захватчикам не удастся поставить нас на колени.

К 90-летию со дня рождения Юрия Визбора

Для меня существует пять великих бардов: Галич, Окуджава, Высоцкий, Матвеева и Ким. Я не назвал Юру Визбора, которого я считаю стоящим немножко в стороне от чисто бардовской песни. Он для меня – великий журналист, я бы сказал, и в стихах. Это замечательное, редкое, совершенно своеобразное явление. Кроме всего прочего, он уникален еще в одном смысле. Есть такие строчки: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут Меня. И жизни ход сопровождает их». Тициан Табидзе в переводе Бориса Пастернака. Так вот, это про Визбора. Когда Визбор поступил на первый курс, он себе жутко не нравился. Речь не о внешности. Это был худенький интеллигентный мальчик, довольно робкий, который краснел по любому поводу, легко терялся и пасовал перед наглым напором. А ему хотелось быть сильным и смелым. Как герои Хемингуэя. Все его песни – тоска по мужеству. Альпинистские лагеря, экспедиции, «ребята в кожаных куртках»... Его лирический герой – это могучий лыжник. И ему было стыдно быть другим, чем тот, кого он изображал в своих стихах. Он был честен по отношению к своим стихам. Это не со всяким бывает. В конце концов, он добился цели, стал тем Визбором, который восхищал всех. Он себя сделал. И умирал он уже абсолютно абсолютно как герой Хемингуэя. Это была смерть абсолютно героического человека. Человека, который понимает и многое не говорит, который облегчает, как может, жизнь близким своим. Человека, который изначально, с юности был ему симпатичен, которому он старался подражать и в которого он превратился с помощью собственных стихов.

Юрий Ряшенцев

Юрий ВИЗБОР

Спокойно, дружище, спокойно!
У нас еще все впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди –
Не путай конец и кончину:
Рассветы, как прежде, трубят.
Кручина твоя – не причина,
А только ступень для тебя.
По этим истертым ступеням,
По горю, разлукам, слезам
Идем, схоронив нетерпенье
В промытых ветрами глазах.
Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звезды лесные
На черных глазищах озер.
Спокойно, дружище, спокойно!
И пить нам, и весело петь.
Еще в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят.

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды.
И, кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.
Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю:
Вы, несомненно, сделали счастливой
Ее саму и всю ее семью.
Вставайте, граф! Уже друзья с мультиками
Коней седлают около крыльца,
Уж горожане радостными звуками
Готовы в вас приветствовать отца.
Не хмурьте лоб! Коль было согрешение,
То будет время обо всем забыть.
Вставайте! Мир ждет вашего решения:
Быть иль не быть, любить иль не любить.
И граф встает. Ладонью бьет будильник,
Берет гантели, смотрит на дома
И безнадежно лезет в холодильник,
А там зима, пустынная зима.
Он выйдет в город, вспомнит вечер давешний:
Где был, что ел, кто доставал питье.
У перекрестка встретит он товарища,
У остановки подождет ее.
Она придет и глянет мимоходом,
Что было ночью – будто трын-трава.
«Привет!» – «Привет! Хорошая погода!..»
Тебе в метро? А мне ведь на трамвай!..»
И продают на перекрестке сливы,
И обтекает постовых народ...
Шагает граф. Он хочет быть счастливым,
И он не хочет, чтоб наоборот.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Видно, нечего нам больше скрывать,
Все нам вспомнится на Страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым – исполненье надежд.
Видно, прожитое – прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль.
Видишь, падают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит средь лесов.
Мы затопим в доме печь, в доме печь,
Мы гитару позовем со стены,
Все, что было, мы не будем беречь,
Ведь за нами все мосты сожжены,
Все мосты, все перекрестки дорог,
Все прошептаные клятвы в ночи.
Каждый предал все, что мог, все, что мог, –
Мы немножечко о том помолчим.
И слуга войдет с оплившей свечой,
Стукнет ставня на ветру, на ветру.
О, как я тебя люблю горячо –
Это годы не сотрут, не сотрут.
Всех друзей мы позовем, позовем,
Мы набьем картошкой старый рюкзак.
Спросят люди: «Что за шум, что за гром?»
Мы ответим: «Просто так, просто так!».
Просто нечего нам больше скрывать,
Все нам вспомнится на Страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым – исполненье надежд.
Видно, прожитое – прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль.
Видишь, падают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит средь лесов.

ПИСЬМО

Памяти Владимира Высоцкого

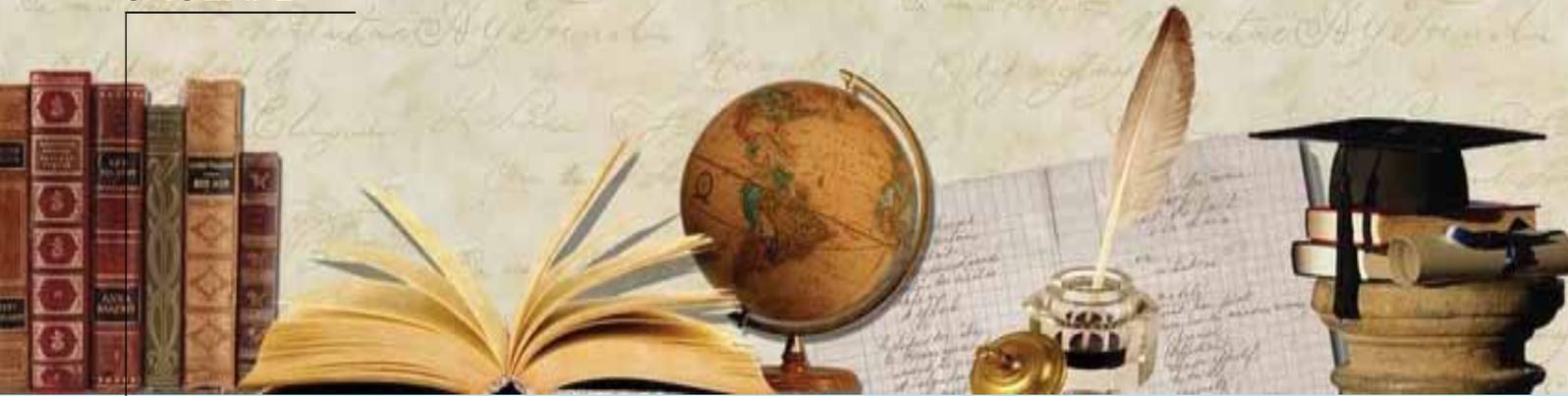
Пишу тебе, Володя, с Садового Кольца,
Где с неба льют раздробленные воды.
Все в мире ожидает законного конца,
И только не кончается погода.
А впрочем, бесконечны наветы и вранье,
И те, кому не выдал Бог таланта,
Лишь в этом утверждают присутствие свое,
Пытаясь обкусать ступни гигантам.
Да черта ли в них проку! О чем-нибудь другом...
«Вот мельница – она уж развалилась...»
На Кудринской недавно такой ударил гром,
Что все ГАИ тайком перекрестилось.
Все те же разговоры – почему и что иметь.
Из моды вышли «М» по кличке «Бонни»,
Теперь никто не хочет хотя бы умереть,
Лишь для того, чтоб вышел первый сборник.
Мы здесь поодиночке смотрелись в небеса,
Мы скоро соберемся воедино,
И наши в общем хоре сольются голоса,
И Млечный Путь задует в наши спины.
А где же наши беды? Остались мелюзгой
И слава, и вельможный гнев кого-то...
Откроет печку Гоголь чугунной кочергой,
И свет огня блеснет в пенсне Фагота...
Пока хватает силы смеяться над бедой,

Беспечней мы, чем в праздник эскимосы.
Как говорил однажды датчанин молодой:
Была, мол, не была – а там посмотрим.
Все так же мир прекрасен, как рыженький пацан,
Все так же, извини, прекрасны розы.
Привет тебе, Володя, с Садового Кольца,
Где льют дожди, похожие на слезы.

ДЕНЬГИ

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.
О, жгучий взгляд из-под бровей!
Листанье сборника кровей!
Что было содержанием дней,
То стало приложением вроде.
Вот новоявленный Моцарт,
Сродни менялам и купцам,
Забыв про двор, где ждут сердца,
К двору монетному подходит.
Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось:
В цене все то, что удалось,
И спрос не сходит на интриги.
Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги.
Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.

Одиноким гитарист в придорожном ресторане.
Черной свечкой кипарис между звездами в окне.
Он играет и поет, сидя будто в черной раме,
Море Черное за ним при прожекторной луне.
Наш милейший рулевой на дороге нелюдимой,
Исстрадав без сигарет, сделал этот поворот.
Ах, удача, боже мой, услышать в стране родимой
Человеческую речь в изложении нежных нот.
Ресторан полупустой. Две танцующие пары.
Два дружинника сидят, обеспечивая мир.
Одиноким гитарист с добрым Генделем на пару
Поднимают к небесам этот маленький трактир.
И впитает, как дымок, христианская идея,
Что когда-то повезет, если вдруг не повезло.
Он играет и поет, все надеясь и надеясь,
Что когда-нибудь добро победит в борьбе со злом.
Ах, как трудно будет нам, если мы ему поверим.
С этим веком наш роман бессердечен и нечист.
Но спасает нас в ночи от позорного безверья
Колокольчик под дугой – одиноким гитарист.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Бесполезное время земли

О людях, не приносящих ни пользы, ни радости, напрасно (по чьему-либо мнению) обременяющих землю.

Источник: Inutile terraepondus (инутиле тэррэ пондус – лат.). Слова Ахилла о самом себе в поэме Гомера «Илиада». Он корил себя, что поссорился с Агамемноном, отказался от участия в военных действиях и тем способствовал гибели доблестного Патрокла и его товарищей тем, что ранее.

Бешеные деньги

О больших незаработанных деньгах, легко попавших в руки.

Источники: реплика прислуги из пьесы А.Н. Островского «Праздничный сон — до обеда»: «Триста тысяч! Не верю. У кого же это такие деньги бешеные!»; название пьесы А.Н. Островского - «Бешеные деньги».

Битва народов

О крупном международном конфликте, в котором решаются судьбы государств.

Иронически — о крупном скандале, переполохе, потасовке.

Источник: фраза из донесения полковника прусского генерального штаба барона Мюфлинга о битве под Лейпцигом 16-19 октября 1813 года, когда войска антинаполеоновской коалиции (Австрия, Пруссия, Россия, Швеция) одержали верх над силами Наполеона: «Так четырехдневная битва народов

под Лейпцигом решила судьбу мира».

Бить баклуши

Лениться, бездельничать, заниматься пустяками.

Источник: выражение связывается с кустарным промыслом по изготовлению деревянных ложек и другой посуды. Баклушами назывались заготовки - отколотые от липового полена чурки. Работа по битью баклуш считалась легкой, не требующей особого умения.

По другой версии, это старинная народная игра, в которой надо было сбивать деревянные палочки (баклуши), что считалось пустой тратой времени.

Бить во все колокола

Оповестить, предупредить об опасности.

Источник: в старину колокольным звоном жителей деревни или города собирали для решения важных вопросов. В колокол звонили и при приближении врагов.

Бить врага на его территории

Источник: из речи маршала К.Е. Ворошилова, произнесенной 16 сентября 1936 года на митинге в Киеве: «Если враг нападет на Советскую Украину, на Советскую Белоруссию или на другую часть Союза, мы не только не пустим врага в пределы нашей Родины, но будем бить его на той территории, откуда он пришел», «Если противник появится, бить его обязательно на его территории».

Биться об заклад

Спорить на что-либо, держать пари.

Ручаться, быть уверенным.

Источник: закладом на Руси называли залог, вещественное обеспечение займа или обязательства, а также спор на выигрш или саму ставку.

Благими намерениями вымощена дорога в ад

О добрых, но неудачно, скверно реализованных намерениях, что, как правило, приводит к плачевному результату.

Источники: фраза из книги «Jacula prudentium» английского богослова Джорджа Герберта (XVII в.): «Hell is full of good meaning and wishings» («Ад полон добрых намерений и пожеланий»); фраза, произнесенная английским писателем Сэмюэлем Джонсоном (XVIII в.):

Выражение получило широкую известность благодаря роману Вальтера Скотта

«Ламермурская невеста» (1819) — в уста одного из персонажей, богослова, вложены слова Дж. Герберта.

Блажен, кто верует, тепло ему на свете!

О том, кто излишне ободряется своими планами и мечтами, или слишком доверчив и наивен.

Источник: реплика Чацкого из пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова (действие. 1, явление 7). Парафраз из Евангелия от Марка (глава 16, стих 16): «Кто поверит и примет крещение, тот будет спасен».

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

ივნისი ИЮНЬ 2024

პრემიერა ПРЕМЬЕРА

7,16 ივნისი
ИЮНЯ

რ. კლდიაშვილი

**ჩემი ოცნების
თეატრი**

დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი
გიორგი შალუტაშვილი

რ. კლდიაშვილი

**ТЕАТР
МОЕЙ МЕЧТЫ**

Драматическая комедия в одном действии

Режиссер-постановщик
ГЕОРГИЙ ШАЛУТАШВИЛИ

2 კვ. Вск.	ა. გრინი А. Грини 12.00	ალისფარი იალქნები მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка в одном действии (Малый зал)	
პრემიერა ПРЕМЬЕРА				
7 პარ. Пт.	რ. კლდიაშვილი Р. Клдашвили 19.00	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)	
9 კვ. Вск.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	არ დაიღარლო! დანელიადა ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НЕ ГОРЮЙ! Данелиада в двух действиях (Большой зал)	
16 კვ. Вск.	ნ. კალატოზი Н. Калатози 12.00	მძინარე გზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
16 კვ. Вск.	რ. კლდიაშვილი Р. Клдашвили 18.00	ჩემი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)	
21 პარ. Пт.	ს. ალექსიევიჩი С. Алексевич 19.00	ჩერნობილის ლოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
28 პარ. Пт.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 19.00	ძია ვანი დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях (Малый зал)	
29 შაბ. Сб.	ს. მროჟეკი С. Мрожек 18.00	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
30 კვ. Вск.	ნ. კალატოზი Н. Калатози 12.00	მძინარე გზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი აპოლონი ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

День Независимости Грузии. Тбилиси, Площадь Свободы

